

НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

ГОРЯЧЕЕ ПРОШЛОЕ

Черная кошка

Николай Леонов

Горячее прошлое

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Леонов Н. И.

Горячее прошлое / Н. И. Леонов — «Эксмо», 2021 — (Черная кошка)

ISBN 978-5-04-119625-7

К полковнику МВД Гурову обратился бизнесмен Александр Веденеев. Его сын Иван найден мертвым в багажнике собственной машины со следами пыток. Начавшееся следствие зашло в тупик. Гурову удастся установить, что в день убийства Иван был с другом в баре и там они сильно поссорились. Возможно, это и стало причиной трагедии? Выяснилось, что незадолго до этого друг втянул Веденева-младшего в подпольную торговлю наркотиками. Следы последней сделки теряются на территории заброшенной военной базы. То, что там увидели сыщики, по своей дикости напомнило Гурову кровавый беспредел девяностых...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-119625-7

© Леонов Н. И., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Горячее прошлое	6
Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	23
Глава 4	31
Глава 5	40
Глава 6	47
Глава 7	56
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Николай Леонов, Алексей Макеев

Горячее прошлое

© Макеев А.В., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Горячее прошлое

Глава 1

«Если хочешь быть счастливым, будь им».

Эта крылатая фраза Козьмы Пруtkова – гениальность или глупость? А многочисленные лозунги новоиспеченных психотерапевтов и клинических психологов насчет того, кто кузнец личного счастья, – всеобщая паранойя или здравый расчет? Будь в позитиве, раздвинь рамки, научись видеть хорошее в плохом...

Список можно продолжать до бесконечности, но есть ли в этом смысл? Ведь по большому счету призывы психиатров и психологов сводятся к одному: настройся на позитив, его ты и получишь. Докажи пессимисту, что он не может решить свои проблемы всего лишь из-за неверного подхода к жизни, и все вокруг него преобразится. Дерзай, стремись, думай о хорошем.

А что, если ты сам не видишь ничего положительного в жизни того самого пессимиста? Почему ты вообще должен что-то доказывать? Почему ответственность за психическое здоровье человека, которому ты никто, должна ложиться на тебя?

Полковник Гуров широким шагом двигался от аллеи Цветного бульвара к Петровке, хмурил брови и вел мысленный спор с женой Марией. Начался он неделю назад, с каждым днем набирал все больший накал, и конца не предвиделось.

Предметом спора являлся великовозрастный сынуля бывшей коллеги Марии, лет пять назад сменившей актерскую карьеру на амплу бизнесвумен. Для испытания предпринимательских способностей бывшая актриса выбрала, казалось бы, совершенно не женский вид товаров, организовала интернет-торговлю запчастями к автомобилям отечественных и зарубежных марок.

Совершенно неожиданно дело у актрисы пошло. Уже через год она получала такой доход, которого многие ее конкуренты не сумели добиться и за пять лет. Вместе с ростом благосостояния увеличились и проблемы актрисы. Состояли они в том, что ее сынок начал получать непривычно щедрые денежные субсидии и пустился во все тяжкие.

Года три актриса наслаждалась возможностью заваливать сына подарками, оплачивать его дорогостоящие развлечения и путешествия. Когда до нее дошло, что сын растет трутнем, она схватила за голову. Недолго думая, эта дама кислород любимому детищу перекрыла, денежный поток урезала, устроила его на работу, договорилась в институте, чтобы парня зачислили в студенты, да еще и домашние обязанности на двоих поделила.

Как и всегда, когда человек бросается из крайности в крайность, ни к чему хорошему нововведения актрисы не привели. Сынок взбунтовался, заявил, что мамамиными деньгами сыт по горло, и ушел из дома. Три недели маменька выдержала стойко, не звонила, не искала, деньгами не ссужала. Потом сердобольная соседка сообщила ей, что видела ее сынка в непотребном виде и в недостойной компании.

И все! После этого актриса забыла про все принципы, начала дите неразумное разыскивать, телефон обрывать, друзей его по дворам вылавливать. Но сынок, видимо, решил мамашу проучить основательно. Как она ни старалась, а выйти на него не сумела, теперь уже не была уверена даже в том, жив ли он.

Бывшая актриса, измотанная неизвестностью, вспомнила про Марию, вернее сказать, про ее мужа-полицейского, и явилась к ним с визитом. С тех пор спокойная жизнь закончилась и в этом доме. Чего она хотела? Довольно многого. Прежде всего Гуров должен был отыскать ее сынка и вернуть в родной дом. Потом полковнику предписывалось провести с ним профилак-

тическую беседу на тему: «Так жить нельзя, или Куда заведут безнравственные связи». Еще не мешало бы отвадить от слабохарактерного сыночка всех дружков-нахлебников. И прочая, прочая, прочая.

Самым печальным во всей истории было то обстоятельство, что жена Льва Ивановича поддержала все пункты требований своей бывшей коллеги.

«Надо помочь мальчику!» – твердила она, не желая слушать никакие доводы и аргументы.

Тот факт, что мальчику было двадцать два и он давно вышел из младенческого возраста, для Марии Строевой значения не имел. Он попал в беду. Кто способен справиться с ней, если не полковник из уголовного розыска?

Три дня назад Гуров понял, что проще смириться и выполнить требование супруги, чем терпеть противостояние в собственном доме. Он нашел парня, сумел пообщаться с ним по телефону, назначил встречу на нейтральной территории и надеялся, что скоро все закончится.

Но эти надежды не оправдались. Три дня подряд в обеденный перерыв полковник отправлялся в аллею на Цветной бульвар, где его должен был ждать сынок актрисы, и каждый раз уходил оттуда ни с чем.

Вот и сегодня, прождав сорок минут, Лев Иванович получил СМС-сообщение. Сын актрисы сообщал сыщику, что обстоятельства не позволили ему прийти на встречу.

Обстоятельства, видите ли! Интересно, какие же? Работу, по словам матери, он бросил, ничем полезным не занимался. Что могло ему помешать встретиться с Гуровым? Да он попросту не собирался этого делать, вот и все обстоятельства.

«Решил время потянуть, сделать вид, что согласен на мировую, поиграть в кошки-мышки, а потом исчезнуть, – размышлял Гуров, сворачивая к воротам главка. – И что теперь прикажете делать? Арестовать и в обезьянник закрыть, раз гуманные варианты себя не оправдали?»

– Простите, Лев Иванович. Вы не уделите мне несколько минут? – Немолодой мужчина удержал полковника за рукав.

– В чем дело? – Ответ прозвучал грубо, и Гуров тут же почувствовал неловкость.

Вот до чего дошел, ни за что на человека сорвался.

– Трудный день? – Мужчина сочувственно покачал головой. – Рад бы вас не загружать, но не могу. Долг обязывает.

– Долг? Вы из проверяющих органов? – спросил полковник и нахмурился.

– Вовсе нет. Ни к каким таким органам я отношения не имею. Зовут меня Александр Веденеев. Давайте отойдем? – Мужчина махнул рукой в сторону аллеи. – Не хотелось бы в воротах стоять.

Не дождавшись ответа, он двинулся к пешеходному переходу. Гуров пошел за ним. В аллее мужчина выбрал скамейку, стоявшую особняком, положил на сиденье клетчатую хозяйственную сумку, на спинку кинул драповое пальто.

Конец марта баловал москвичей теплом и солнцем.

Гуров расстегнул куртку, снимать ее не стал, присел на скамью, перевел взгляд на мужчину.

– Теперь вы готовы? – спокойно спросил он.

– Боюсь, что нет. – Голос этого человека дрожал, в глазах его внезапно появились слезы.

Он отвернулся, несколько раз глубоко вздохнул. Эта процедура помогла. Слезы исчезли.

– Ситуация сложилась следующая. Убит мой сын Иван. Тело находилось в багажнике его собственного автомобиля, стоявшего в районе Старо-Марковского кладбища. Руки и ноги связаны нейлоновыми хомутами для стяжки кабелей. На теле кровоподтеки, резаные раны, ожоги и гематомы. Дело передано в отдел МВД по Алтуфьевскому району следователю Юдину, но я пришел просить вас провести расследование.

– Не доверяете Юдину? Как давно идет следствие? – Гуров старался, чтобы фразы, произносимые им, звучали как можно мягче, понимал состояние собеседника.

– Не могу сказать, что не доверяю. Я его просто не знаю. Не представляю, как он работает, какой у него опыт, сколько дел подобного рода успешно раскрыл.

– Зачем лукавить? Считаете, что Юдин не справится, так и скажите. – Гуров почувствовал, что собеседник уклоняется от ответа, и ему это не понравилось. – Почитали вы отзывы о нем на каком-нибудь сайте и решили, что он вам не подходит.

– Я знаю, что доверяю вам, Лев Иванович, – заявил мужчина. – Отзывы о вас я не в интернете собирал. Помните мальчика Никиту, отец которого был найден мертвым в гараже? Он к вам пришел не по протекции, просто от отчаяния. Вы помогли ему, сумели доказать, что мужчина умер насильственной смертью, а не покончил с собой. Убийц его нашли и на скамью подсудимых отправили.

Дело Никиты с алкоголичкой-матерью и внезапно обретенным отцом Гуров помнил. Не забыл он и момент, когда этот парень пришел к нему. Он ведь тогда его выгнал, отказал ему, отправил к следователю, которому поручено было вести это дело. А парнишка не ушел, встал под окнами и ждал. Чего? Пока сердце полковника смягчится.

В тот раз сыщик действительно помог. Но ведь это вовсе не означает, что следователь Юдин работает хуже, чем он.

– В тот раз были другие обстоятельства, – произнес Гуров. – Дело собирались закрыть с вердиктом «суицид», тогда как на самом деле мужчину убили. В вашем случае расследование только началось. Не спешите с выводами, попытайтесь наладить контакт со следователем, наберитесь терпения и ждите.

– Да не могу я ждать! – Крик шел от самого сердца. – Моего мальчика пытали! Мучили, истязали, а потом запихнули в багажник и оставили умирать. Два дня он лежал в багажнике. Слабый, измученный, но живой. Его еще можно было спасти. Случайный прохожий, сотрудник кладбища – любой человек мог заметить машину, подойти и просто полюбопытствовать, почему она стоит в таком неподходящем месте. Тогда они услышали бы моего мальчика, открыли бы багажник, вызвали бы полицию и «Скорую». Он был бы сейчас жив. Если бы я послушал жену, предпринял бы меры, отреагировал быстрее, то мой сын был бы теперь с нами. Я должен был действовать, понимаете? Терпение и ожидание уже лишили меня сына, а вы предлагаете мне еще и его убийц на свободу отпустить?

– Вы не отпускаете их на свободу. Ведется следствие, – сказал Гуров.

– Не отпускаю и не отпущу! – заявил Веденеев. – Поэтому я здесь. Мне известно, что самое важное для следствия – не упустить время. Первые двадцать четыре часа имеют решающее значение. У меня их нет, так что ждать я не намерен. Это мой долг перед сыном, женой и самим собой. Прошу вас как отец отца. У вас ведь есть дети?

– Это не имеет значения, – ушел от ответа Гуров.

– Похоже, я допустил бестактность. Простите. – Веденеев смутился. – И все же вам наверняка знакомы тревоги родителей, у которых взрослые дети. Друзья, знакомые, коллеги, соседи, в конце концов. Кто-то наверняка делился с вами своими переживаниями. В мире столько соблазнов для неокрепшей души. Взбрыкнул, заигрался, переоценил свои возможности и не заметил, как попал в беду. У одного молодого человека период самоутверждения проходит относительно безболезненно, а для другого заканчивается трагедией.

Гуров вспомнил заплаканное лицо актрисы. Неделию назад она убеждала полковника в том, что ее сын в силу возраста не способен видеть всей картины в перспективе и адекватно оценивать ситуацию. Промедление может привести к настоящей трагедии, предотвратить которую пока еще возможно.

«И ведь оба они правы. То, что могло принести пользу вчера, завтра станет совершенно неактуальным. Три дня сын актрисы посылает мне отписки. Я злюсь, но жду. А кто знает, чем

закончится следующий день и где окажется парень. Два дня, сорок восемь часов было у него в запасе. Представить страшно, что ощущает отец в такой ситуации», – подумал Лев Иванович.

– Вы мне поможете? – прервал Веденеев затянувшееся молчание.

– Мы ведь сами себе работу не выбираем. На то, чтобы забрать дело у следователя, нужны веские основания, – сказал Гуров. – Ладно, давайте мы с вами поступим следующим образом. Вы расскажете мне все, что знаете сами, затем я пообщаюсь со следователем Юдиным и только после этого буду принимать решение. Такой вариант вас устроит?

– Сколько времени это займет?

– Не беспокойтесь, тянуть я не собираюсь.

Веденеев коротко кивнул и приступил к рассказу.

Анна и Александр поженились, когда ей едва исполнилось восемнадцать, а он разменял четвертак. Сына же, единственное чадо, им пришлось ждать долгих двадцать пять лет. Когда Александр подошел к полувековому юбилею и Веденеевы уже потеряли всякую надежду обзавестись наследником, Анна вдруг забеременела.

Сын родился крепким, здоровым. Поздний ребенок, долгожданное дитя, неожиданное счастье.

Все окружение Веденеевых сходило на том, что пожилые родители начнут баловать свое чадо еще в утробе. Но нет, и Анна, и Александр подошли к воспитанию сына ответственно. Были, конечно, и подарки, и сладости, и развлечения, но они требовали от сына отдачи и ответственности.

Иван рос не проблемным ребенком. Учился хорошо, в дурные компании не лез, деньги с родителей не тянул и вообще обходился малым. Отцу с матерью всем, чем мог, старался помочь, не обременять их своими заботами. А вот экзамен в институт он провалил. То ли перенервничал, то ли знаний не хватило – одним словом, не срослось.

Родители уговаривали его пойти учиться на коммерческой основе, мол, оплату мы вытянем, а он в армию ушел. Сказал, что вернется и отучится, да так и сделал. Сразу после службы Иван подал документы в строительный институт на заочное обучение. Выбрал инженерную специальность, прошел установочную сессию, успешно закрыл зимнюю и начал готовиться к летней.

Казалось бы, все хорошо. Армия позади, образование впереди.

К возвращению сына Веденеев с женой постарались, купили ему «Хонду». Модель не новая, но довольно престижная. Чтобы иметь достаточно времени на учебу, Иван выбрал работу со свободным графиком, устроился на своей машине в таксопарк. Деньги не великие, зато можешь сам решать, когда пассажиров возить, когда отдыхать.

Ночные выезды сына старшему Веденееву не пришлись по душе, да что тут поделаешь? В каждой работе есть свои плюсы и минусы. Александр имел свой небольшой бизнес, однако Иван наотрез отказался идти по стопам отца, перенимать его дело даже как временный вариант не стал рассматривать. Потом, когда жизнь вошла в колею, Александр тихо привык к мысли о том, что его сын имеет полное право вести свою линию.

Веденеева огорчало одно. От прежних друзей Иван отошел, а из новых всего одного и завел. Да и того другом назвать у отца язык не поворачивался. Что за дружба, когда разница в возрасте составляет десяток лет? После сорока понятно, там возрастные границы уже не ощущаются. Но если тебе девятнадцать, молоко на губах не обсохло, а ты записываешь в лучшие друзья мужика, которому год до тридцатника недостает, то это очень даже наводит на размышления.

С Игорем Никифоровым Иван познакомился в институте. Оба поступили на одну специальность и еще с установочной сессии начали общаться. Отец думал, что сыну льстит внимание взрослого мужчины, тот факт, что он держит себя с ним на равных. Про Игоря Иван

рассказывал немного, домой не приглашал, но вне учебы встречался с ним регулярно. В таксисты он тоже с подачи Игоря пошел.

Вечером накануне исчезновения Иван взял выходной и поехал прогуляться. По словам матери выходило, что он собирался встретиться с Игорем.

Анне странная дружба сына не нравилась еще больше, чем Александру. В отличие от него она открыто высказывала свое недовольство, не раз заявляла сыну, что ни к чему хорошему подобные знакомства не приводят.

Иван всегда считался с мнением матери, но в отношении Игоря проявлял непонятное упрямство.

«Он интересный человек, много повидал, во Франции жил, – отстаивал свое право на выбор друзей Иван. – С ровесниками мне поговорить не о чем. У них в головах только игры, фильмы и девки».

Мать пыталась убедить сына в том, что в девятнадцать лет интересы парней и должны распространяться на фильмы и девок, но Иван твердо стоял на своем. На этом их разговор и заканчивался.

Ночевал Иван всегда дома, а если задерживался где-то дольше часа ночи, то всегда предупреждал. В ту ночь он этого не сделал. Анна тоже ему не позвонила. Перед уходом сына разговор дошел до серьезной ссоры. Мать даже пыталась запретить ему покидать дом, но разве в девятнадцать лет это сработает? Иван ушел, хлопнул дверью. Анна осталась у порога, еще не зная, что видит сына в последний раз.

В восемь утра она уговорила мужа набрать номер Ивана. Тот не ответил на вызов. Александр посоветовал жене набраться терпения. Дескать, у мальчика выходной, отоспится и сам свяжется со мной или с тобой. Но этого не произошло ни в двенадцать, ни в пять, ни в семь. В девять вечера Анна позвонила сама, но телефон сына оказался выключен.

«Ладно, пусть он со мной общаться не хочет, – рассуждала Анна. – Но ведь на этот номер ему приходят заказы, а выходной у сына закончился ровно в девятнадцать ноль-ноль. Почему телефон все еще отключен?»

Она снова начала теребить мужа, заявила, что с Иваном случилась беда, иначе он непременно обозначился бы.

Веденеев и сам понимал, что дело приняло серьезный оборот, собрался и пошел в полицию. Там он написал заявление, добился, чтобы его зарегистрировали, заставил проверить все сводки за сутки, вместе с дежурным скрупулезно читал приметы в сводках. Параллельно отец подал в розыск автомобиль сына, обзвонил все больницы, а потом поехал по моргам.

Сутки он мотался по Москве, от больницы к больнице, от морга к моргу, осматривая тела тех мужчин, которые хотя бы отдаленно походили на сына. В пять утра поступил звонок от дежурного. Он сказал, что автомобиль «Хонда», синий металлик, найден в районе Старо-Марковского кладбища, предложил приехать туда и отключился. Его слова прозвучали так, что Веденеев сразу понял: сына живым он не увидит.

Анне звонить он не стал, поехал один, у ворот кладбища увидел скопление людей и аж целых три машины. Это в шестом часу утра. Тело его сразу отяжелело. Веденеев с трудом заставил себя выйти из машины. На ватных ногах двинулся к воротам.

Там его остановил щуплый парнишка лет двадцати пяти и заявил, что кладбище для посещений временно закрыто. Веденеев объяснил ему, что получил вызов. Тон молодого человека моментально изменился. Он указал Александру на мужчину в штатском и велел обратиться к нему. Краем глаза Веденеев поймал его взгляд, сочувственный, но и любопытный. Ему стало совсем мерзко.

«Не о том думаешь!» – обругал он себя, отбросил лишние мысли и направился к человеку в штатском.

Это оказался следователь Юдин. Он выслушал Веденеева и подтвердил, что «Хонда» цвета синий металлик с номерными знаками, указанными в заявлении, найдена час назад в западном крыле Старо-Марковского кладбища.

Следователь выдержал паузу и добавил:

– В автомобиле найдено тело неизвестного мужчины. Документов при нем нет, так что придется проводить опознание. Собственно, за этим мы вас и вызвали. Все надо сделать немедленно, прямо сейчас. Если будем ждать окончания всех мероприятий, положенных в таких случаях, то потеряем время. Два дня, а то и больше. Для следствия же важна каждая минута.

– Не нужно ничего объяснять, – заявил Веденеев. – Говорите, что нужно сделать.

– Мы предъявим вам тело для опознания. Если в автомобиле находится известный вам человек, то от вас потребуются дополнительные сведения. Если же нет... Впрочем, показания с вас будут сняты в любом случае.

– Куда идти?

Следователь повел Веденеева по аллее, метров через тридцать свернул с дороги к кустарнику, опустил сигнальную ленту и углубился в кусты. Веденеев следовал за ним. За этими зарослями стоял автомобиль его сына. Багажник оказался открыт, возле него и вокруг машины сустились люди.

«Зачем их тут так много? – удивился Веденеев. – Что они так усиленно ищут в багажнике?»

Сам он устремил взгляд в салон, полагал, что увидит тело на водительском кресле. Но там было пусто.

Следователь перехватил настойчивый взгляд Веденеева, отчего-то покачал головой. Он остановился, не доходя до машины, затормозил и Веденеева.

– Я никого не вижу, – не выдержал тот. – Почему мы стоим? Зачем тянем время?

– Вы не туда смотрите, – со вздохом проговорил следователь. – В салоне никого нет. Криминалистам еще предстоит его осмотреть, но это позже.

– Тогда где он? Вы куда-то его перенесли? – Задавая этот вопрос, Веденеев уже знал, какой получит ответ.

Прозрение настигло его внезапно, во рту сразу пересохло, внутри все сжалось, а сердце заколотилось как после быстрого бега.

– Он там? В багажнике?

– Да, – коротко бросил следователь.

– Боже! – Веденеев понял, что сейчас потеряет сознание.

Представлять своего сына засунутым в багажник, прямо как какой-то кулек, было жутко.

– Зря я все это затеял, – вдруг произнес следователь. – На вас уже лица нет, а что будет, когда?.. Нет, опознание отменяется. Отправляйтесь домой. Мы вызовем вас дополнительно.

– Нет! Я никуда не поеду, – воскликнул Веденеев. – Я смогу, я справлюсь. – Он оттолкнул Юдина в сторону и бросился к багажнику.

Ребята из криминалистической бригады попытались его перехватить, но он прорвался сквозь заслон, добрался до багажника, освещенного специальными лампами, и замер. Красная куртка выделялась на фоне темно-серой обивки, напоминала кровавое пятно.

Веденеев помнил, как покупал ее вместе с сыном. Они выбирали между классическими строгими цветами и яркой молодежной расцветкой. Победила молодость. Тогда. Теперь же его сын, утешение и гордость, лежал в багажнике собственного автомобиля. Узнать его было почти невозможно, и все же отец сумел это сделать.

– Сынок, сыночек мой, сынуля. Да как же это? Зачем? Мальчик мой, что они с тобой сделали? – Веденеев опустился на колени перед багажником, положил руку на плечо Ивана, второй нежно поглаживал его волосы.

Слова Александра звучали тихо, жалобно.

От этой душераздирающей сцены у всех присутствующих пошел мороз по коже. Даже выдавший виды судмедэксперт не выдержал, отвернулся, смахнул слезы.

– Давай, Юдин, грузи его в свою машину и вези в больницу, – осипшим голосом произнес он. – Не издевайся над человеком. Никуда твои показания не денутся.

В больницу Веденеев не поехал. Он стоял на коленях у машины, пока криминалисты не закончили работу.

Когда санитары собрались переносить тело сына в труповозку, отец воспротивился.

– Сам до места довезу, – заявил он. – На своей машине.

– Не положено... – начал было Юдин, но судмедэксперт снова вступился:

– Я с ним прокачусь, прослежу, чтобы все гладко прошло.

Юдин украдкой покрутил пальцем у виска. Думай, мол, что делать собираешься. Труп через всю Москву на частнике катать. Милосердие тоже границы иметь должно.

Но судмедэксперт на недовольство следователя начал. Он велел санитарам спрятать труп в пакет и погрузить в машину отца.

– Ладно, под твою ответственность, – заявил Юдин и махнул рукой. – Залетишь, меня не приплетай.

– Не приплету, будь спокоен, – проговорил судмедэксперт и обратился к Веденееву: – За руль сяду я. Вы можете устроиться на заднее сиденье, хоть попрощаетесь, пока едем.

Так тело Ивана было доставлено в морг Алтуфьевского района. По дороге никаких казусов не произошло.

Работники морга удивились, но корректно промолчали. Они зарегистрировали прием тела и забрали его.

Судмедэксперт ушел в здание, и Веденеев остался один на один со своим горем. Звонить Анне он не стал, поехал домой. Ему предстояло самое сложное – донести до жены трагическую весть.

О том, как она восприняла это известие, лучше не вспоминать. Но именно Анна настояла на том, чтобы муж обратился за помощью к полковнику Гурову, причем сделал это как можно быстрее, не откладывая.

Как она узнала о Гурове? Самым обычным способом, через сарафанное радио. Ее приятельница общалась с матерью Никиты, которая рассказывала всем, кто только пожелает слушать, историю о том, как сыщик услышал просьбу ее сына и нашел убийц отца.

Фамилии этого человека Анна не помнила, но разве это проблема? Она позвонила и узнала. Никита проникся горем семьи Веденеевых и приехал к ним сам. Из его уст рассказ о полковнике Гурове звучал еще более многообещающе.

Как только Никита уехал, Веденеев собрался и отправился на Петровку.

– И вот я здесь, – в завершение рассказа проговорил Веденеев. – Теперь вы знаете ровно столько же, сколько и я.

– Подытожим, – с минуту помолчав, проговорил Гуров. – По факту выходит, что следствие еще только началось. С момента обнаружения тела прошло не более десяти часов. Это не тот срок, за который могут появиться более-менее существенные сдвиги. Вы это понимаете?

– Да, конечно. – Веденеев согласно кивнул. – Но ведь мне никто деталей не сообщал. Наверняка у них есть улики, предположения и какие-то подробности.

– Это понятно. В Алтуфьево я съезжу, со следователем пообщаюсь, но передавать вам подробности не стану.

– Мне они и не нужны. Достаточно того, что я видел, – сказал Веденеев и на секунду закрыл глаза.

Его лицо исказила гримаса боли. Не физической, душевной.

– Тогда отправляйтесь домой и ждите звонка, – проговорил Гуров. – Но учтите, что сегодня новостей не будет. Мне понадобится время на то, чтобы проанализировать информацию, которую я получу, и принять решение. Езжайте домой, попробуйте поспать. Быть может, есть смысл принять какое-то успокоительное средство.

– Я понял, спасибо. Буду ждать. – Веденеев не стал прощаться, пошел к перекрестку, на полдороге остановился, повернулся и заявил: – Жена думает, что виновником трагедии является Игорь Никифоров. Проверьте его.

Гуров промолчал. Веденеев устало махнул рукой и ушел.

Полковник еще какое-то время оставался на месте, затем набрал номер напарника, старинного друга Стаса Крячко и предупредил его о том, что в управление сегодня не вернется. Потом он дошел до парковки, где оставил свой «Пежо», сел в него и поехал в Алтуфьево.

Глава 2

С генералом Петром Николаевичем Орловым полковника Гурова связывали не только служебные отношения. За много лет совместной службы их общение переросло в крепкую дружбу. Лев Иванович периодически бывал на даче у супругов Орловых. Его жена Мария охотно принимала генеральскую чету в своем доме. Особых сложностей с разграничением служебных и чисто личных отношений ни тот, ни другой не испытывали потому, что старались не смешивать отдых и работу.

Но в этот раз сыщику пришлось изменить неписаное правило. Из управления генерал уехал два часа назад, а отложить разговор до утра Гуров не мог.

Он побывал в Алтуфьеве, пообщался со следователем Юдиным и понял, что дело Ивана Веденева тамошним сыскарям не потянуть. Вовсе не потому, что желания нет или опыта не хватит. Просто так уж сложились обстоятельства, что за последнюю неделю на одного опера этого отдела навалилось до пяти текущих дел. Все в стадии разработки и, разумеется, исключительной сложности.

Юдин принял полковника с прохладцей. Он ввел его в курс дела, не требуя подтверждения правомочности вопросов, заверил, что следствие идет полным ходом. Мол, оперативники начали отрабатывать возможные версии, беспокоиться совершенно не о чем.

Однако у Гурова его заверения особого доверия не вызвали. Он выяснил, кто из оперуполномоченных занимался делом Веденева, и отправился на поиски капитана Мусейко.

Разговор с ним шел совсем иначе. Погоны полковника и упоминание главного управления не вызвали у Мусейко ни трепета, ни страха. Напротив, он даже обрадовался.

– Вот это удача! – заявил капитан, узнав о цели визита сыщика. – Такое везение, прямо как по заказу.

– В чем же везение? – осведомился Гуров.

– Да как же? Вы же из главка, да еще и с личным интересом. Следовательно, дело без всяких проблем можно вам перекинуть, снизу вверх.

– Очень хочется?

– Судите сами, товарищ полковник. У меня за последние восемь дней два грабежа, один разбой, поножовщина в баре с летальным исходом, – начал перечислять Мусейко. – А теперь еще и труп в багажнике. Успею я все разгрести? Это только у меня. Нас тут шесть оперов, и у каждого март месяц урожайный. Напарника забрали, я один к делу Веденева приписан. Сегодня только и успел, что на выезд съездить да рапорта заполнить. На кладбище свидетелей поискал, да только хрен там кого найдешь. Сторож вроде есть, а пользы от него как от памятника. Дрыхнет всю ночь в своей будке, хорошо, если территорию раз в сутки обходит, а то и этого не делает.

– Почему же следователь Юдин об этом молчит, говорит, что у него все под контролем?

– Потому что вы из главка, – просто ответил Мусейко. – Вдруг проверяющий? Вы вопросы зададите и уедете докладную писать, а нам потом расхлебывать.

– Думаете, он тоже будет рад избавиться от дела Веденева?

– Без сомнения, – уверенно произнес Мусейко.

– Спасибо за откровенность, – сказал Гуров. – С патологоанатомом поможете пересечься? Хочу услышать, что он обо всем этом думает.

– Легко! – Мусейко набрал номер патологоанатома, объяснил ситуацию, и тот обещал полковника принять. – Ну вот! Дело в шляпе. Здесь недалеко, метров сто по прямой. Спросите Вадима Сергеева.

– За помощь отдельное спасибо.

– Так мне есть смысл надеяться? – Этот вопрос застал сыщика уже в дверях.

– На этот счет мне с начальством переговорить нужно. Нас ведь за нераскрытые дела тоже премиями не одаривают, – ответил Лев Иванович, попрощался с Мусейко и ушел.

Вадим Сергеев встретил его у дверей морга.

– Вы из главка? – докуривая сигарету, спросил он.

– Так точно. Полковник Гуров.

– Пойдемте, вам есть на что посмотреть.

Эта фраза не отражала и десятой доли того, что довелось увидеть сыщику. Состояние трупа вызывало ужас даже при беглом осмотре. Патологоанатом же изучил все травмы досконально.

Он сказал, что девятнадцатилетнего парня пытали долго и изощренно. Нет, это были не профессионалы из определенных структур, дилетанты, но совершенно лишенные чувства сострадания и даже доли благоразумия.

Гурову хватило одного взгляда, чтобы понять одну важную вещь. Иван не владел той информацией, которая нужна была его палачам. Иначе он выдал бы все еще на начальном этапе пыток.

Из отчета патологоанатома выходило, что мучили парня долго, никак не менее двадцати часов. Следы от первых ран успели состариться настолько, что разница во времени стала очевидна. Колотые и резаные раны, следы от ударов тупым предметом на предплечьях, ступнях, коленях и спине, ожоги, следы удушения на шее. Все это в огромном количестве, но без расчета изувечить до смерти.

В конечном итоге умер парнишка от внутренних разрывов печени, почек и селезенки. Он просто истек кровью, пока лежал в багажнике.

Патологоанатом выразил сомнения по поводу того, могли ли врачи спасти Ивана, если бы он был найден раньше. По его мнению, вероятность положительного исхода была крайне мала.

– Равносильно чуду, – заявил он. – Преступники отвезли его на кладбище, когда поняли, что он уже не жилец.

Все это заставило полковника поступиться принципами и поехать к генералу с рабочими вопросами во вне рабочее время.

Орлов оказался дома.

Увидев выражение лица друга, он провел его на кухню, плотно прикрыл дверь и только тогда спросил:

– Что-то серьезное?

– Очень серьезное, – ответил Гуров, потер лицо, пытаясь сбросить усталость, оперся локтями о столешницу и начал подробный доклад.

Говорил он довольно долго, с полчаса. За все это время Орлов ни разу не перебил его, не задал ни одного вопроса.

Когда полковник замолчал, Петр Николаевич глубоко вздохнул и спросил:

– Значит, ты хочешь перетащить это дело к нам, да?

– Разве у меня есть выбор? – проговорил Гуров.

– Говорят, что он есть всегда, но это однозначно не твой случай.

– Вот и я так думаю, – сказал Лев Иванович. – В голове не укладывается, как до такого зверства человек дойти может.

– А я вот все думаю, за что его так? Что мог натворить несчастный мальчишка, чтобы попасть в такую мясорубку? – Орлова аж передернуло. – В девяностых и то не все так лютовали.

– Это да. – Гуров покачал головой. – Думаю, эти негодяи так и не поняли, что парню просто нечего было им сказать.

– Или все же было. – Орлов пожал плечами. – Быть может, этот парень обладал железной волей.

– Разве что он кого-то выгораживал, подставить не хотел.

– Друга? – спросил Орлов, вспомнив про Никифорова. – Его, кстати, в полицию уже вызывали?

– Нет, Петр, не вызывали. У них там такой аврал, что до этого не так скоро руки дойдут. А мы с Крячко сейчас не в напряге.

– Что, сильно зацепило? – спросил Орлов и невесело улыбнулся.

– Все равно ведь полезу, ты же меня знаешь, – честно признался Гуров. – Ты бы видел, Петр, что они с ним сделали!

– А если окажется, что мальчик сам не из белых и пушистых? Разочарования не боишься?

– Все равно. Виновен он в чем-то или нет, а его убийцы-отморозки должны понести наказание, – заявил Гуров.

– Ладно, действуйте. Завтра с утра созвонюсь с начальником отдела, переговорю. Заберешь у них материалы и начинай раскручивать, – сдался Орлов.

На этом старинные друзья и разошлись.

Утро следующего дня для Гурова началось с визита к следователю Юдину. В восемь ноль-ноль он уже сидел в кабинете следователя и оформлял документы на передачу материалов дела в главное управление. Как и заверял Льва Ивановича Мусейко, эта новость Юдина порадовала. Он едва не приплясывал от радости, пока выкладывал папки перед полковником.

– Тут все, что удалось собрать за сутки, – сказал следователь. – Негусто, конечно, но уже есть от чего оттолкнуться. Если честно, я рад, что так все сложилось. Парнишку жалко, а у нас запарка.

– Вчера я другую песню слышал, – поддел его Гуров.

– Вы не сердитесь, товарищ полковник, – миролюбиво проговорил Юдин. – Обстановка в отделе напряженная. Мы шестой месяц из отстающих не вылезаем. Начальство рвет и мечет, проверки одолели, а тут вы. Первая мысль – опять инспекция. А Мусейко что! Он как заговоренный, никакие проверки его не задевают.

– А вас, значит, задевают? – Гуров решил поддержать разговор.

– Три взыскания за полгода. Жена ругается. Мол, сколько можно без премии пахать. А я что сделаю, если сплошь такие дела, как это, попадают. Глухарь на глухаре, – ляпнул Юдин, запнулся и тут же принялся оправдываться: – Нет, на самом деле с делом Веденеева не все так печально. Просто не успеваем, а так...

– Похоже, сейчас самое время помолчать, – проговорил сыщик. – Молча бумаги соберем, подпишем и разойдемся полюбовно.

Юдин так и сделал. Он сгреб оставшиеся протоколы в кучу, закинул в верхнюю папку, пожал Гурову руку и проводил из кабинета.

Полковник загрузил папки в машину, заехал к патологоанатому за отчетом и вернулся в отдел.

Там его уже ждал Стас Крячко.

– Выкладывай, какую пакость ты нам на этот раз подогнал! – вместо приветствия произнес он.

– Генерал сообщил? – осведомился Гуров.

– А ты думал, он секретничать станет? С утра озадачил. Дескать, ты, Стас, приглядывай за нашим гением сыска. Притормаживай его там, где нужно, а то ведь он меры не знает. Можно сказать, за старшего меня поставил.

– В курс дела вводил?

– Сказал только, что труп в багажнике нашли со следами пыток. – Крячко вопросительно взглянул на друга. – Серьезное дело?

– Похоже на то. – Гуров выложил перед напарником материалы дела. – Вот, ознакомься.

– Может, сам вкратце расскажешь? – Стас поморщился, разглядывая кипу бумаг. – Мне их трое суток смотреть придется.

– Ладно, давай вместе разбираться, – смиростивился Гуров. – На самом деле здесь только рапорт по осмотру места происшествия, опрос отца жертвы и результаты вскрытия. Да, еще доклады от криминалистов. Они нас интересуют в первую очередь, все остальное я в общем и целом уже изучил.

Из отчетов криминалистов выжать сыщикам удалось немного. Тот факт, что парня пытали не на кладбище, а где-то в другом месте, был и так очевиден. В багажник он угодил тогда, когда преступники решили от него избавиться.

Отпечатков пальцев в салоне и на крышке багажника хватало. Но все размазанные. Использовать их при расследовании оказалось невозможно. Даже по базе данных нечего было пробить.

Лев Иванович обратил внимание на способ, которым преступники связали свою жертву. Они использовали нейлоновые хомуты-стяжки, которыми обычно фиксируются кабели. Почему такой странный выбор, не веревка? Если убийцы взяли то, что всегда находится у них под рукой, то напрашивался закономерный вопрос. Чем занимаются эти негодяи? Почему расходным материалом у них являются кабельные стяжки? Этот момент Гуров хорошенько запомнил и пока отложил.

Больше ничего, заслуживающего внимания, в отчетах не нашлось. Однако Гуров на что-то другое и не рассчитывал. Начинать в любом случае следовало с изучения личности жертвы и ее окружения. Опрос соседей, коллег по работе и учебе. Изучение телефонных звонков, диалогов в социальных сетях и интернет-запросов сыщики решили поручить молодежи, подтянули в качестве главного консультанта Валеру Жаворонкова из информационного отдела.

Технику из дома Веденеева районные опера забрали накануне и передали Гурову вместе с материалами дела. Информацию от Александра Веденеева Лев Иванович уже получил. Ехать к нему пока смысла не было.

А вот сведения по Игорю Никифорову требовалось собрать как можно быстрее. Во-первых, он являлся ближайшим другом погибшего парня. Кому как не ему знать о проблемах Ивана? Во-вторых, по словам матери, в день исчезновения Иван собирался встретиться именно с Игорем. В-третьих, странным было то, что мобильник Никифорова не отвечал. Анна Веденеева звонила ему не один раз, следовательно Юдин набирал номер телефона после обнаружения тела, Гуров пытался связаться с Никифоровым уже несколько раз за утро. Аппарат приятеля Веденеева был выключен.

Для того чтобы узнать адрес Никифорова, можно было послать запрос в телефонную компанию. Однако напарники рассудили, что в канцелярии института получают эту информацию намного быстрее. Заодно и с преподавателями побеседуют, если повезет.

В одиннадцать часов утра Гуров и Крячко сидели в институтской канцелярии и объясняли девушке-администратору, почему у них нет возможности ждать официального разрешения декана факультета на открытие личных данных студента.

– Поймите, милая, нам эта информация нужна была еще позавчера!

Стас Крячко оккупировал единственный проход между столом, за которым сидела девушка, и стеной. Он уперся руками в стол, навис над ним и говорил с нажимом, подчеркивая каждое слово энергичным кивком.

– Но и вы меня поймите. Есть четкая инструкция, – парировала девушка. – Ее нарушение чревато увольнением, а то и хуже. Вы меня на должностное преступление толкаете, а еще полковник!

– Не толкаю я вас никуда, – заявил Крячко. – Как вы сами заметили, мы не из строительной конторы приехали. Полиция, понимаете? Уголовный розыск. Вы в курсе насчет того, какие дела он расследует?

– В курсе, не сомневайтесь, – сказала девушка и устало откинулась назад, чтобы хоть немного увеличить расстояние до полковника.

– Вот! А мы вдобавок ко всему еще и из отдела по особо важным делам! – Для большей убедительности Крячко поднял указательный палец. – Как же вы можете нам отказать?

– Потому что у вас нет соответствующего документа, а декан в отпуске, – в очередной раз проговорила девушка. – Он будет только послезавтра.

Ни Гуров, ни Крячко не ожидали столкнуться в институте с проблемой подобного рода. Обычно в таких случаях достаточно было предъявить оппоненту красные корочки, подтверждающие серьезность организации, либо воспользоваться красноречием Стаса Крячко, который мог любого человека уболтать на безвозмездную помощь в течение пяти минут. В случае же с девушкой-администратором не сработал ни первый, ни второй вариант.

– Ладно, – устав от пререканий и уговоров, произнес Гуров. – Не можете дать адрес Игоря Никифорова, подскажите, где найти другого декана.

– Какого именно? – Девушка почувствовала в вопросе подвох, оттого эта ее фраза прозвучала довольно настороженно.

– Любого декана, – ответил Гуров. – Вот ваш по строительству, так? А есть же другие факультеты, со своими деканами, я правильно понимаю? Какой-нибудь архитектурный, экономический или менеджмента. Вот! Менеджмент есть сейчас во всех институтах. Давайте мне этого самого декана.

– На его факультете тоже кого-то убили? – все так же настороженно спросила девушка.

– Конечно, – вступил в игру Крячко. – А будете тянуть, так цепочка наверняка станет длиннее.

– Не морочьте мне голову, – сказала девушка, нахмурилась и добавила: – Деканат факультета менеджмента находится на третьем этаже. Вторая дверь налево. Удачи вам.

Крячко собрался отчитать девушку за наглость, но Гуров поспешил утянуть его из кабинета.

– Сам видишь, здесь дверь толкать бесполезно, – сказал он Стасу, когда вытащил в коридор. – Нужно зайти с другой стороны.

– Да что она о себе возомнила? – не сдержал возмущения Крячко. – Перед ней два полковника полиции целых десять минут расшаркиваются, а ей по барабану.

– Так и скажи, что твое мужское самолюбие задето, – с усмешкой проговорил Гуров. – Да, дружище, ты стареешь, теряешь квалификацию.

– Ничего я не теряю. Это ты мне всю картину портишь. Сидишь с видом прокурора, требующего максимальный срок для обвиняемого, вот и получаешь соответствующую реакцию, – ответил на это Крячко. – Короче, сиди здесь и не отсвечивай, а я к нашей неотроге. Вот увидишь, через десять минут я к тебе с адресом Никифорова выйду.

Не успел Гуров ответить, как Крячко скрылся в кабинете.

Лев Иванович осуждающе покачал головой и пошел разыскивать деканат факультета менеджмента. Он спустился на два этажа ниже и нос к носу столкнулся с тем самым человеком, которого безуспешно дожидался три дня подряд в аллее на Цветном бульваре. Это был сынок актрисы собственной персоной! Его фотографии показывала сыщику неутешная маменька.

– Простите, я вас не заметил, – вежливо произнес парень, придерживая Гурова за локоть. – Я вас не ушиб?

– Нет, не ушиб, Валера, не беспокойся, – спокойно проговорил полковник.

– Мы знакомы? – Молодой человек наморщил лоб, пытаясь отыскать в закоулках памяти имя собеседника.

– Только заочно, – ответил сыщик, спрятав невольную улыбку. – Полковник Гуров Лев Иванович. Это со мной ты должен был встретиться на Цветном.

– Гуров? Зачем вы здесь? Вы за мной следите? – Парнишка сердито нахмурился.

– Нет, Валера, я здесь не по твою душу, – честно признался Лев Иванович. – Хотя вполне могло быть и так.

– Вот еще, не вздумайте! И матери скажите, пусть людей не напрягает. У меня теперь своя жизнь, – проговорил Валера и с вызовом выпятил грудь. – Обойдусь без ее опеки.

– Вот-вот, без опеки. – Гуров вздохнул. – Ты спрашивал, зачем я здесь? Хороший вопрос. Пожалуй, я тебе на него отвечу. Я здесь для того, чтобы найти убийцу молодого парня. Ему было девятнадцать. Он очень хотел вырваться из-под опеки родителей и добился своего. Правда, ненадолго. Теперь юноша этот лежит в морге Алтуфьевского отделения полиции. На его теле присутствуют все раны, какие только возможны, не считая разве что огнестрельных. Мать его сидит дома и ждет, хотя понимает, что сына у нее больше нет. Так стоит ли она того, эта самая независимость? – Лев Иванович Гуров замолчал, обошел парня и, не оглядываясь, пошел по ранее заданному маршруту.

На третьем этаже Валера его догнал, схватил за рукав, заставил остановиться и спросил:

– Она сильно переживает?

– Мать? А ты как думаешь? У нее сына убили. – Гуров сделал вид, что не понял, к кому относится вопрос.

– Я не о том. Я о своей матери. – Валера смутился, но вопрос повторил: – Сильно переживает?

– Сильно ли? Ждет, когда к ней в дверь постучат и скажут: «Ваш сын в морге, забирайте его». – Гуров выдержал паузу, прежде чем продолжить: – Ты как думаешь, это достаточно сильно? Или можно еще поднажать?

– Я свинья, – вдруг заявил Валера. – Грязная, неблагодарная скотина.

– Меня это не особо интересует. Хочешь излить душу, иди к матери. – Сыщик нахмурился, подобные повороты его никогда не впечатляли.

Но Валера, похоже, говорил искренне.

– Простите. Я понял. – Молодой человек снова смутился и поспешил сменить тему: – Скажите, кто тот парень, которого убили?

– Вряд ли ты с ним пересекался. Он на заочном отделении учился.

– У меня и между заочниками знакомые есть. Да и вообще, мало ли, вдруг знаю, – настаивал Валера. – Как его звали?

– Иван Веденеев.

– Нет, не помню такого, – чуть подумав, сказал сын отставной актрисы. – Но я поспрашиваю, если вы не против. Вдруг что-то узнаю.

– Мне только самостоятельности не хватало. Нет, Валера, не лезь в это дело. Оно не очень хорошо пахнет. – Гуров устало покачал головой. – Не хватало еще потом тебя разыскивать. Тут с Никифоровым разобраться бы как-нибудь.

– А Никифоров – это кто? Не Игорек случайно? Он еще таксует, да? – Валера оживился. – Парнишка с ним молоденький тусит постоянно. Мы еще над ними прикалывались, парочка, все такое.

– Да, зовут Игорь. Таксистом подрабатывает. Взрослый парень, по вашим студенческим меркам – мужчина. – Теперь уже этим заинтересовался и Гуров. – Ты его знаешь?

– Конечно. Его все в институте знают. Он себе такую рекламную программу замутил, чтобы студенты его на заказ вызывали. Или дружка его. Могу номер телефона дать.

– Мне бы адрес. Телефон у меня есть, – произнес Гуров.

– Адрес Наташка с эконома знает, она с ним какое-то время встречалась. Могу позвонить, – предложил Валера.

– Давай, – согласился Гуров.

Через пять минут сыщик быстрым шагом шел по шестому этажу в направлении к канцелярии деканата строительного факультета. Ему навстречу двигался Стас Крячко. Победная улыбка растягивала его губы.

– Ну и что я говорил? Адресок-то вот он! – Стас помахал листком бумаги.

– Восточное Бирюлево, улица Севанская, дом пятнадцать, – опередив друга, продекларировал Гуров.

– Как? Уже узнал? Вот засада! – Крячко досадливо поморщился. – Лева, вечно ты мне всю малину портишь.

– Не гунди, дружище! – заявил Гуров. – Поехали в Бирюлево. Пришло время пообщаться с Никифоровым.

Дом пятнадцать на улице Севанской не представлял из себя ничего особенного. Среднестатистическое жилье в непопулярном районе.

Сыщики поднялись на второй этаж, и Гуров вдавил кнопку дверного звонка. Спустя пару минут дверь открыла немолодая женщина в застиранном платье и несвежем макияже.

– Вам кого? – Она смотрела на посетителей без особого интереса.

– Игорь Никифоров здесь проживает? – задал вопрос Гуров.

– Нет его. Когда будет, не знаю. Звоните ему на мобильник. – Женщина собралась закрыть дверь.

– Не так быстро, гражданка, – остановил ее Крячко. – У нас к вам есть еще вопросы.

– А вы кто такие, чтобы я с вами разговоры разговаривала? – огрызнулась женщина.

– Полковники полиции Гуров и Крячко, уголовный розыск, – проговорил Лев Иванович.

– Уголовный розыск? Боже! С Игорешей беда? – Женщина схватила за сердце. – Вот ведь как знала.

– Разрешите войти. – Крячко отстранил женщину, прошел в прихожую.

За ним следовал Гуров.

– Где нам будет удобнее беседовать? Гостиная или кухня? Как вас зовут?

– Пойдемте в комнату, в кухне не убрано. А зовут меня Зоя Ильинична.

Напарники прошли в указанную комнату, дождались, пока хозяйка квартиры устроится на диване, и начали задавать ей вопросы. Она оказалась матерью Игоря.

Семья состояла из трех человек, но в данный момент женщина была одна. Ее муж, отец Игоря, работал охранником на подмосковной базе строительных материалов, сменами по три дня. Сейчас он как раз находился там.

Игорь дома не появлялся уже несколько дней, но до прихода полиции мать совсем о нем не беспокоилась. Сын жил самостоятельной жизнью. Он вернулся в Москву всего несколько месяцев назад, да и то говорил, что временно. Ну да, не ночевал пару-тройку ночей, так что с того? Может, наконец-то женщину себе нашел, у нее и ночует. Мальчик не маленький, пора ему и семьей обзавестись, не все же по заграницам ездить.

Когда именно Игорь в последний раз ночевал дома, Зоя Ильинична так и не вспомнила. Может, три, а то и четыре дня назад. У него ведь и работа ночная, разве тут уследишь? В свои планы Игорь мать не посвящал, личными проблемами с ней не делился. Как-то не стремился он

откровенничать с родителями. Даже в детстве этим не грешил, а уж после того как несколько лет прожил самостоятельно, и вовсе от них отгородился.

В Москву Игорь вернулся из Франции, где прожил не один год. Чем он там занимался? Была у него работа в коммерческой русско-французской организации. От нее и отправился то ли на языковую, то ли на трудовую практику. Собирался на шесть месяцев, а задержался дольше. По возвращении в фирму не вернулся. Почему? Причины мать не знала.

О дружбе с Иваном Веденевым сообщить она ничего не смогла. Сын пару раз упоминал это имя, но и только. Коллега, приятель по работе – это все, что она о нем знала. Друзей в дом Игорь не приводил, по крайней мере после возвращения из Франции.

С кем общался из старых знакомцев? Да ни с кем, разве что с соседом с верхнего этажа, Антоном. Раньше, еще в школьные годы, Игорь частенько заглядывал к нему. Оба они увлекались зарубежной музыкой, на этой почве и сошлись.

Сыщики поняли, что из Зои Ильиничны ничего полезного вытянуть не удастся, и покинули квартиру. Они поднялись этажом выше, где, по словам женщины, проживал Антон, приятель Игоря.

Он открыл им дверь, выяснил, ради чего к нему пожаловала полиция, провел визитеров в комнату, предложил сесть и спросил:

– Снова Игорек куда-то вляпался?

– А что, бывали прецеденты? – вопросом на вопрос ответил Крячко.

– По молодости Игорек много чудил. Правда, до серьезного не доходило. Чтобы в ментовку загнать или на крутых бандюганов нарваться, такого не было, но бунтовал он почему зря.

– В чем суть бунтарства? – осведомился Крячко.

– В школе с учителями воевал, говорил, что не оценивают они его по достоинству. Потом в военкомате права отстаивал и пацанов подбивал, чтобы от службы косили. Однако на медкомиссии у него плоскостопие нашли, он сразу и успокоился. Ну и самая глобальная проблема – как разбогатеть в бедном государстве? Очень уж ему хотелось деньги лопатой грести, все время идеями на этот счет фонтанировал. То одного приятеля подбьет бабки в какую-то хрень вложить, то другого. Родители пацанов постоянно приходили с Игорешинными родичами разбираться. Те потерянные деньги вернут, Игорька пожурят, а через месяц все снова.

– Он и сейчас идеями о богатстве грезит? – спросил Гуров.

– Сейчас не знаю, – ответил Антон и пожал плечами. – Когда из-за бугра вернулся, он потише стал. Может, и есть у него идеи, проекты, как их сейчас называют, только теперь Игорь про них не рассказывает.

– Про Ивана Веденева, нового приятеля Игоря, вы что-то слышали?

– Это парнишка молоденький? Так, только в общих чертах. Игорь рассказывал, что учатся они вместе. Никифоров вроде на работу ему устроиться помог.

– Странная дружба, не находите? – спросил Стас.

– Почему странная? – с удивлением осведомился Антон.

– Игорь гораздо старше Ивана, – пояснил Крячко.

– И что с того? У нас с Игорешей тоже лет семь разницы в мою пользу. Однако дружить нам это не никогда мешало, – заявил Антон.

– Так вы с Игорем друзья? – спросил Гуров и поднял брови.

Он вспомнил, как мать Игоря заявляла, что отношения между ними не более чем приятельские.

– Не знаю, можно ли нас так называть, но лет пятнадцать общаемся, – ответил Антон и добавил: – Я, собственно, на звание друга не претендовал никогда.

– В последнее время вы часто общались?

– Пару раз в месяц он ко мне заглядывал.

– Знаете, где его найти можно?

– А чего искать? Позвоните, он сам приедет. Игорь ведь таксует, в любой конец города примчит.

– Не отвечает он на звонки, телефон отключен, – сказал Гуров.

– Очень странно. Насколько я знаю, он никогда его не вырубает, чтобы заказ выгодный не пропустить, – произнес Антон. – Тогда в баре поищите. Отдыхать он на Тараса Шевченко ездит. Там ресторанчик есть, средиземноморская кухня. Названия не знаю, но найти просто. Я разок всего там был, цены зверские, а жрать нечего. Но Игорьку нравится. Он говорит, что атмосфера там подходящая. Только я думаю, не за ней он туда катается, а потому, что от шеф-повара скидку имеет.

– Как, говорите, найти ресторан?

Антон открыл в мобильнике карту. Через пару минут у Гурова на руках имелись и название этого заведения, и его точный адрес. Сыщики обменялись с Антоном телефонными номерами, попросили его звонить, если вдруг Игорек объявится, и поехали в ресторан средиземноморской кухни.

Глава 3

Ресторан, расположенный на набережной Тараса Шевченко, впечатлял своим колоритом. Легкая веранда с решетчатыми стенами и тканевыми драпировками сейчас пустовала, мартовская температура не располагала к долгим посиделкам на свежем воздухе, зато основной зал оказался заполнен на две трети. Приглушенный свет винтажных ламп, низкие кресла, зеркальные витрины и кованые ограждения. Продумано все до мелочей, вплоть до сервировочных тарелок экзотической расцветки.

Однако сыщиков дизайн ресторана интересовал в самую последнюю очередь. Они осмотрелись и направились к стойке, за которой не было посетителей. Бармен флегматичного вида вытирал стаканы.

Он принял их за потенциальных заказчиков, неспешно отставил бокал и монотонно пробубнил:

– Чем угощаться будем? Есть крепкие и облегченные напитки, ассортимент очень широкий.

– Мы здесь по службе, – охладил пыл бармена полковник Крячко и показал ему удостоверение. – Информацией нас угостите, и будет в самый раз.

– За информацией не ко мне. У нас здесь с этим строго, – все так же неспешно произнес бармен. – Могу позвать администратора.

– Администратор лично знаком с каждым клиентом? – поинтересовался Крячко.

– Это вряд ли, – ответил бармен и с сомнением покачал головой.

– Вот видите, администратор не подходит. Нам нужен человек, который знает большую часть клиентов, – заявил Стас.

– Не смогу вам помочь, – сказал бармен. – Место здесь приятное. У меня нет никакого желания терять эту работу.

– Да, дилемма. Вы не хотите терять работу, мы – время, – проговорил Крячко и слишком уж тяжело вздохнул. – Так как же нам быть?

– Я все же позову администратора. Если он даст добро, то я отвечу на все ваши вопросы, – заявил бармен.

– Ладно, валяй. Зови своего администратора, – согласился Крячко.

Разговор с администратором занял не более трех минут. Он выслушал Станислава, мельком взглянул на его удостоверение и дал бармену зеленый свет. После этого беседа потекла если не шустро, то хотя бы в необходимом русле.

Никифорова бармен вспомнил сразу, несмотря на то что завсегдатаем ресторана тот стал не так давно. Работники этого заведения окрестили его Игорем-французом. Первый раз он попал сюда в компании шеф-повара Жан-Пьера Бонье, уроженца какого-то местечка под Парижем, переехавшего в Москву по зову сердца года три назад.

Готовил Жан-Пьер отменно, а вот в приятели себе его лучше было не выбирать. Заносчивый, высокоумный, даже несколько хамоватый в общении, он за три года так и не завел друзей в столице. Потому повара и официанты были крайне удивлены, когда Жан-Пьер подвел Игоря-француза к администратору и объявил, что с этого дня этот месяц является его личным гостем. Обслуживать его полагается по льготной цене и высшему классу.

Администратор возражений не высказал. Народ на кухне посудачил между собой о том, что это за право такое обнаружилось у господина Бонье, вернее, у его протеже. Официанты злым языком прошлись насчет нахлебников, от которых чаевых не дождешься. Новоиспеченный клиент уселся за стол и со знанием дела произвел выбор блюд из ресторанного меню, чем умилил Бонье, и без того настроенного весьма благодушно.

Не сказать, что между Никифоровым и Бонье завязалась крепкая дружба, но пару раз в месяц они мило общались за трапезой. О чем шел разговор, ни один из сотрудников ресторана сказать не мог, так как общались эти двое исключительно на французском. Пару раз у бармена мелькала идея записать разговор на диктофон, а потом прогнать через программу-переводчик, но воплотить ее в жизнь он так и не удосужился.

Приходил Никифоров по большей части один, иногда с другом. Еду он заказывал умеренно, выпивку – еще скромнее, зато чаевые оставлял всегда, вопреки недавним предположениям официантов. Как сказал бармен, это чисто европейская привычка. Русских сколько ни приучай, они все равно крохоборничают.

Вечером накануне исчезновения Ивана Никифоров приезжал в ресторан вместе с ним. Бармен дал подробное описание парнишки, так как видел его в компании Никифорова не однажды.

Этот раз запомнился ему особо, потому что парни явно ссорились. Разговор шел почти шепотом, но выражения лиц и жесты говорили красноречивее слов. Сколько длился спор? Где-то с полчаса, может, больше. Бармен не уловил момент, когда мирная беседа переросла в ссору, поэтому не мог сказать, кто стал ее инициатором. Раньше парни никогда не конфликтовали, на людях уж точно, вот он и запомнил.

А вот ушел первым молодой парнишка. Он вскочил, бросил салфетку на стол, собирался что-то сказать, но передумал, махнул рукой и выбежал из ресторана.

Игорь-француз оставался на месте еще минуты три, видимо, решал, стоит ли догонять приятеля или лучше дать ему остыть. По крайней мере, так показалось бармену. Потом он все же встал, оставил на столе деньги и тоже ушел. Не бегом, но все же достаточно быстрым шагом. Из этого бармен сделал вывод, что Игорь-француз хотел все-таки догнать паренька.

Произошло это около одиннадцати часов вечера. В зале на тот момент посетителей хватало, у стойки тоже. Бармен сказал, что свидетелей ссоры было достаточно, и при желании найти их труда не составит. Продолжилась ли свара на улице, догнал ли Игорь-француз своего юного друга, он не знал.

Гуров оставил свой номер телефона бармену на тот случай, если в ресторане объявится Игорь.

После этого сыщики попытались пообщаться с поваром Жан-Пьером Бонье. Однако тот на контакт не пошел, узнал, что речь пойдет о его друге Игоре, и сразу забыл русский язык. Его ломанные фразы звучали однотипно. Мол, ничего не знаю, никого не видел. Да и вообще Игорь мне не такой уж друг. Подвез он меня раз на такси задешево, вот и все. А скидка на обслуживание – всего лишь ответный жест.

Гуров вытребовал у администратора записи с камер видеонаблюдения. Увы, особой пользы они не принесли. Все, что увидели на них сыщики, это момент, когда из ресторана выходил Иван. Спустя три минуты это сделал и Игорь. Им даже не удалось определить, приехал ли Иван на машине или добирался до ресторана своим ходом. Камеры захватывали лишь небольшую часть улицы возле ресторана, а бесплатная парковка располагалась метрах в двадцати от него.

Старинные приятели обсудили ситуацию и пришли к выводу, что без опроса друзей и знакомых Никифорова и Веденева не обойтись. Поэтому весь остаток дня они убили на их поиски и беседы с ними. Чтобы сэкономить время, сыщики разделили обязанности. Гуров должен был собирать информацию по Веденеву, Крячко – по Никифорову.

К вечеру собрались на Петровке, чтобы поделиться добытыми сведениями.

Картина вырисовывалась следующая. Иван – умный, ответственный мальчик, хорошо учился, старался не обременять пожилых родителей, в конфликты не вступал, сомнительных знакомств не имел.

Игорь – полная противоположность. Бунтарь, заводила. Он все время фонтанировал идеями насчет того, как разбогатеть, и не всегда его способы оказывались легальными. Этот человек пять лет прожил во Франции. Ни один из его друзей толком не знал, чем он там занимался, как добывал деньги. Соответственно, сыщики не могли сказать, с какими идеями и настроением Никифоров вернулся на родину.

Переписка в социальных сетях, ведущаяся с компьютера Веденеева, никаких существенных добавлений к полученному портрету не дала. Обычный парень, каких тысячи. Интернет-запросы классические: музыка, фильмы, преимущественно патриотического содержания, ходовые товары в популярных магазинах, новости спорта и прочая мелочь. Ничего такого, что навело бы на мысль, за какие грехи кто-то так жестоко расправился с парнем.

Сыщики помусолили все эти сведения, пришли к выводу, что зацепиться пока совершенно не за что, и разошлись.

Домой Гуров приехал непривычно рано и в дурном расположении духа. Мария минут десять молчала, потом снова завела разговор о том, что надо помочь несчастному мальчику. Льву Ивановичу же было совершенно не до сына актрисы, о чем он и сообщил супруге.

– У меня на службе ситуация – хуже не придумаешь, а ты мне предлагаешь бросить все и заняться парнем, который решил поиграть в самостоятельность? – сердито проворчал любящий муж, но потом все же добавил: – Видел я его. Жив и здоров. Мы в институте встретились. Ваш несчастный мальчик даже учебу не бросил. Так своей подруге и передай.

– Видел? Правда? Так это же замечательно!

Радость жены оказалась настолько искренней, что Гурову стало неловко. Почему сразу не сказал?

– Надо позвонить Аннушке, пусть и она порадует, – сказала Строева и поинтересовалась: – Ты с ним разговаривал?

– Разговаривал. Вот вам мой совет: не лезьте к парню, дайте возможность вернуться самому.

– А если он не вернется?

– Обязательно вернется. Я думаю, что это произойдет в ближайшее время.

– Спасибо тебе за все. – Мария нежно обвила шею мужа, прижалась щекой к его плечу, потерлась словно котенок и задала очередной вопрос: – У тебя неприятности?

– Пока не знаю, – ответил Гуров, вздохнул и начал выкладывать новости.

Он обходился без жутких подробностей, но и того, что рассказал, было достаточно, чтобы растревожить душу супруги.

– Что же ты теперь будешь делать? – спросила она, когда муж завершил рассказ.

– Понятия не имею. Знать бы, чем этот Никифоров занимался в Париже, может, было бы легче понять, во что он мог вляпаться здесь, в Москве. Да, сам попал и мальчишку вместе с собой втянул. Это можно считать фактом. За украденную банку колбасы с людьми такое не вытворяют.

– Где конкретно он жил во Франции?

Выражение лица Марии изменилось, стало сосредоточенным. Так происходило всегда, когда ей в голову приходила светлая мысль. Гуров это знал, поэтому отмахиваться от вопроса не стал.

– Если верить словам матери, он ездил в Париж на языковую практику.

– А знаешь ли ты, что у Аннушки в Париже живет близкая подруга, муж которой занимает не последнее место в тамошней русскоязычной общине? – с улыбкой проговорила Мария. – Надо сделать пару звонков, и мы узнаем все про твоего Никифорова. Как долго он жил во Франции?

– Лет пять или около того, – ответил Гуров.

– Вот видишь, за такой долгий срок он обязательно засветился в русской общине. Невозможно прожить на чужбине столько лет и ни разу не изъявить желания пообщаться с соотечественниками. – Мария схватила за телефон, набрала номер Аннушки и поспешно вышла из комнаты.

Разговаривать с подругами она предпочитала в одиночестве.

Гуров пожал плечами и поплелся на кухню исследовать холодильник. Не успел он расправиться с ужином, как Мария впорхнула в кухню и сунула ему в руку телефон.

– Это тот самый человек, который может тебе помочь, – вполголоса произнесла она.

В трубке прозвучало приветствие. Мужчина назвался Александром и сразу перешел к делу. Вопросы он задавал профессионально, видно было, что занимался этим не в первый раз. Этот Александр получил от Гурова все данные на Никифорова, пообещал перезвонить, как только получит информацию, и отключился.

– Что это было? – возвращая трубку жене, спросил Лев Иванович.

– Доказательство того, как полезно совершать добрые дела, – с усмешкой ответила Мария. – Ты помог Аннушке, теперь пришла ее очередь. Слышал бы ты, как она обрадовалась, когда узнала про сына. Он пока не проявился, но у Аннушки все равно от сердца отлегло. Живой, это уже хорошо, а что до сих пор не позвонил, ничего страшного. Она готова ждать.

Через два часа Александр позвонил Гурову и дал полный отчет по Никифорову. В Париже тот засветился не меньше, чем в Москве, правда, тоже без серьезных последствий. Два первых года он провел в относительном покое, подвизался в русско-французской фирме. Профессиональные обязанности Никифорова заключались в сортировке информации по каким-то там закупкам, чисто бумажная рутинная работа. В качестве бонуса он получил право дважды в неделю посещать языковые курсы.

По всей видимости, эта тягомотина Никифорову наскучила, либо результаты его деятельности перестали удовлетворять работодателя. Так или иначе, но от места Никифорову отказали, предложили вернуться в Москву. Он отказался это сделать, остался в Париже и таким вот образом перешел на нелегальное положение.

Чем занимаются иностранцы, оставшиеся без права на проживание в чужой стране? Как правило, они оказываются в среде, весьма далекой от идеальной. Так произошло и с Никифоровым.

Игорь прибил к группе, большая часть членов которой так же, как и он сам, имела статус нелегалов. Не самый паршивый вариант, но и завидовать нечему. Лидер группы, некий Дмитрий Гром, имел в русскоязычной среде дурную славу. В свое время он зарегистрировал законный брак с парижанкой, являлся гражданином Франции, кроме того, по документам являлся сотрудником фирмы, которой владела жена, так что придраться к законности его проживания у полиции оснований не было.

На деле же Гром занимался делами, довольно далекими от бизнеса супруги. Сам он особо не светился, а вот люди, входящие в его группу, постоянно попадали в неприятные истории. По сведениям Александра, Гром занимался всем понемногу. Это были наркотики, кражи, угон авто и прочий криминальный бизнес. Для размещения своих людей он организовал лагерь, снял в аренду ветхий домик на окраине Парижа. Там последние три года и жил Никифоров.

Гуров поблагодарил Александра за помощь, дал отбой и крепко задумался.

«Выходит, что Игорю Никифорову не привыкать общаться с криминальными элементами. Так почему бы не предположить, что, вернувшись в Москву, он решил перенять опыт Грома и начать зарабатывать на жизнь нелегальными способами? Что мог замутить этот субъект?

Самое очевидное – наркотики. Но в этот бизнес люди с улицы не попадают, значит, у Никифорова должен быть какой-то прихват. Или нет? Вполне возможно, что проблемы он нажил в процессе поиска этого самого прихвата.

Все упирается в Никифорова, а он так до сих пор нигде и не обозначился. Я уже звонил в фирму, через которую этот таксист получал заказы, и получил ответ. Данный автомобиль не выходил на линию несколько дней. Диспетчеры загружают заказы в приложение, непосредственно с таксистами связываются редко, только в случае возникновения конфликтов, а у Никифорова проблем с клиентами не возникало.

Даты я подсчитал. Получается, что Никифоров не работает со дня исчезновения Ивана. Почему? Перекрылся? Да, похоже на то. Как же на него выйти?

Получить разрешение на обыск квартиры вряд ли удастся. Резонных оснований для этого нет. Остается надеяться на то, что мать Никифорова добровольно позволит мне осмотреть его комнату».

Гуров взглянул на часы: без четверти девять. Не так уж поздно, почему бы не попробовать решить вопрос, не откладывая на следующий день? Номера телефона матери Никифорова у сыщика не было. Он позвонил соседу Антону, попросил его сходить к Зое Ильиничне и получить разрешение на визит. Как ни странно, она Льву Ивановичу не отказала.

Спустя час он снова оказался в квартире матери Игоря Никифорова.

– Он не приезжал, – начала она разговор. – Обычно я ему редко звоню, но после вашего прихода это сделала. На вызов он не ответил, и это очень странно. У него ведь работа.

– Нам тоже не удалось связаться с ним, – сказал Гуров. – В фирме сказали, что заказы он не брал несколько дней.

– Думаете, с ним случилась беда? – В голосе матери звучала неподдельная тревога. – Поэтому вы здесь?

– Пока сложно сказать, – уклонился от ответа Гуров. – Сведений мало.

– Да где ж их возьмешь, сведения-то? – Зоя Ильинична безнадежно покачала головой. – Он ведь скрытный какой. Все в себе, друзей толком не осталось. Разве что Ванечке, мальчику этому позвонить? Я номера не знаю, но, может, он у вас есть?

– Ванечке мы позвонить не можем, – медленно проговорил Гуров.

До него только сейчас дошло, что во время первого визита Зоя Ильинична так и не спросила, почему они вообще приехали. Сами они ей об этом не сказали, так что о смерти Ивана Веденеева она до сих пор не знала.

– У вас тоже номера его нет? – простодушно уточнила женщина. – А я думала, раз вы про их дружбу спрашивали, то знаете, где Ванечку найти.

– Где его найти, мы знаем, – сказал сыщик. – Только вот вопросы ему задать у нас не получится. Собственно, по этой причине мы к вам и приезжали.

– Ничего не понимаю. Вы какими-то загадками говорите, – проговорила женщина и нахмурилась. – Где он, вы знаете, а спросить ни о чем не можете. Боже! Неужели вы хотите сказать?.. – Женщина вздрогнула.

Рука ее машинально потянулась к горлу, словно таким образом она пыталась удержать крик. Глаза расширились от ужаса.

– Да, Иван мертв, – отвечая на безмолвный вопрос, проговорил Гуров. – Его тело было найдено на Старо-Марковском кладбище, в автомобиле, принадлежавшем ему.

– Боже! Мой Игорек тоже погиб!

– Таких данных у нас нет, – поспешил сообщить ей Лев Иванович. – В машине Иван был один, территория кладбища нами осмотрена. Не стоит делать поспешных выводов.

– Не думаю, что они поспешные, – заявила женщина, снова покачала головой и внезапно спросила. – Как умер этот бедный мальчик?

– Смерть насильственная. По факту убийства возбуждено уголовное дело. – Гуров говорил шаблонными фразами, чтобы не вызвать у женщины дополнительной тревоги.

– Выходит, Ванечку убили? – По щекам Зои Ильиничны потекли слезы. – Вот ведь ироды! Такого молоденького загубили. А Игорьку он нравился. Толковый, говорил, парнишка. Как же это возможно?

– Такое случается, – произнес сыщик и хотел было сменить направление разговора, но Зоя Ильинична его опередила.

– Вы будете искать моего сына? – спросила она.

– Обязательно, – ответил Лев Иванович. – Поэтому я здесь и нахожусь.

– Хотите начать поиски отсюда? Собака с кинологом и все такое?

– Пока ограничимся осмотром личных вещей Игоря, – ответил Гуров и скрыл улыбку.

Представления женщины о розыскной деятельности базировались на киношных стереотипах, что его, действующего сотрудника уголовного розыска, невольно рассмешило.

– Если вы позволите, я осматрю комнату вашего сына, проверю записи компьютера, попытаюсь определить, не получал ли он угроз в свой адрес.

– Я согласна, – сказала женщина и быстро-быстро закивала. – Делайте все, что нужно, только найдите моего сына.

– Спасибо.

Совость сыщика царапнул тот факт, что он был не до конца честен с матерью Никифорова, искать ее сына собирается не как жертву, а как подозреваемого. Однако на этот раз Гуров на подобные посылы не отреагировал. Он не мог себе позволить потерять несколько дней на то, чтобы получить официальное разрешение на обыск.

Попав в комнату Игоря, Лев Иванович первым делом включил компьютер. Ему повезло, никаких паролей и блокировок Никифоров не устанавливал, по всей видимости, не предполагал, что кто-то, кроме него, получит доступ к этой технике. Полковник свободно прошелся по всем закладкам, получил доступ к страничкам в социальных сетях, проштудировал все запросы, которые на тот момент еще не были удалены из истории поиска, после чего подвел итог.

Оказалось, что наибольший интерес у Никифорова вызывала информация по поиску работы. Сотни запросов, большая переписка, и все по этому поводу. Направления самые разные, от изготовления рекламных баннеров до организации станции техобслуживания автомобилей.

Гуров на время оставил компьютер в покое и занялся осмотром комнаты.

По поводу интерьера Никифоров особо не заморачивался. Вся мебель скромная, ширпотреба, никаких излишеств в виде статуэток или этажерок. Функциональный набор, никак не более.

В комнате Игоря стояли диван, шкаф для хранения одежды, откидной столик в углу у дивана и письменный стол, на котором располагался компьютер. Так что мест, требующих осмотра, оказалось не так много.

Какое-то представление об индивидуальности обитателя этой комнаты давали разве что многоярусные полки над столом. Они были полностью забиты лицензионными дисками иностранного и отечественного производства.

В шкафу, как сыщик и предполагал, лежали только те вещи, которые и должны были там находиться. Гуров проверил карманы одежды, перебрал белье, пошарил в ящиках с носками, ничего не нашел и перешел к столу.

Набор предметов здесь несколько расширился. Журналы на французском языке, снова лицензионные диски, вероятно, те, которые не поместились на полках, ручки и карандаши, несколько тетрадей с расчетами непонятного рода.

В нижнем ящике лежала только записная книжка в кожаной обложке. Сыщик раскрыл книжку и начал листать ее. Первые двадцать страниц содержали записи на французском. Дальше они были сделаны на родном языке. Названия ресторанов с номерами телефонов, рас-

писание лекций в институте, кое-какие заметки по учебе, ближе к середине – выписки адресов и телефонов работодателей.

Последняя запись привлекла внимание Льва Ивановича тем, что была отмечена жирным восклицательным знаком. «Работа. Перевозка мелких грузов. Командировки, с личным авто. Писать в личку».

Гуров вернулся к компьютеру, отыскал нужную страницу. Объявление дублировалось слово в слово, но на тот момент было уже не активно.

Недолго думая, полковник набрал номер Жаворонкова.

– Валера, привет! Не спишь? – задал он риторический вопрос.

– Доброй ночи, Лев Иванович. Я сегодня загружен до предела, так что спать лягу никак не раньше трех.

– Вот и отлично. У меня к тебе пара вопросов есть. Ты сможешь включить их в список своих внеочередных дел?

– Какого рода вопросы? – Жаворонков не привык отказывать в помощи сослуживцам, а к полковнику Гурову он питал особую симпатию, так что его просьбы встречал с неизменной благосклонностью.

– Человек опубликовал объявление о поиске сотрудников через определенный ресурс, – начал объяснять сыщик. – Телефонного номера не оставил, предпочел, чтобы ответы заинтересованных лиц приходили через сайт. Сейчас этот текст не активен. Что это значит и можно ли как-то вычислить человека, давшего объявление?

– Хороший вопрос, – протянул Жаворонков. – Однако ответ на него, боюсь, вас не порадует. Регистрация на большинстве сайтов подобного рода не требует внесения личных данных. Вернее сказать, там вроде как надо указать фамилию и имя, номер телефона или электронный адрес, но по факту эти данные никакой проверки не проходят.

– Получается, что я могу ввести любые данные? – поинтересовался Гуров.

– Да, вы можете зарегистрироваться как Иван Иванович Иванов, указать номер телефона, состоящий из одних единиц, и все это пройдет у вас без проблем.

– Как же мне выйти на человека, опубликовавшего данное объявление?

– Никак. – В голосе Жаворонкова послышалось сожаление. – Можете пожаловаться, обратиться к администратору сайта, и тот снимет его с публикации.

– Его уже сняли, – сказал Лев Иванович.

– Насколько я понял, в вашем случае просто вышел срок его размещения на сайте. Можно попытаться выяснить, указывался ли при регистрации адрес электронной почты, и попробовать выйти на автора объявления через нее. Но, скорее всего, этих данных уже нет. Объявления-однодневки не предполагают долгого хранения.

– Какие-то еще варианты есть?

– Можно поискать подобное объявление. Как правило, тот человек, который не хочет платить за продление работоспособности объявления, регистрируется раз в месяц. При этом личные данные он меняет, а форму объявления – нет.

– Ты предлагаешь мне просмотреть все объявления в рубрике «Работа» и найти человека по тексту?

– Человека вы все равно найдете только в том случае, если он откликнется на ваше сообщение, – сказал Жаворонков. – Текст-то хоть оригинальный?

– Оригинальнее не придумаешь. Речь идет о работе, командировках на личном автомобиле.

– Да, негусто. Таких объявлений только по Москве сотни. Но попытаться можно. Если хотите, то я завтра этим займусь. Перешлете мне точный текст, название ресурса, а дальше дело техники.

– Спасибо, Валера. Я подумаю, – проговорил Гуров и, не прощаясь, прекратил разговор.

Он выключил компьютер и вернулся в гостиную.

Зоя Ильинична сидела в кресле в неудобной позе, но даже не замечала этого.

Как только Лев Иванович вошел в комнату, она подняла на него глаза и спросила:

– Вы подозреваете моего сына?

Гуров остановился. Он смотрел прямо в глаза женщины и молчал. Как ответить на подобный вопрос, сказать матери, что именно ее сын и может оказаться тем самым иродом, который замучил до смерти девятнадцатилетнего парнишку? Нет, без веских оснований, неопровержимых доказательств такое вслух произносить нельзя.

– Почему вы молчите? – спросила Зоя Ильинична, поднялась, сделала два шага вперед и остановилась напротив полковника.

Ростом она уступала ему лишь пару сантиметров. Теперь они стояли глаза в глаза. Пауза затягивалась, Лев Иванович понимал, что нужно что-то говорить, как-то исправлять ситуацию, но язык не поворачивался. А женщина ждала. Сыщику казалось, будто от его ответа теперь зависит не только жизнь Зои Ильиничны, но и его собственная жизнь.

– Доказательств причастности Игоря к преступлению нет, – взяв себя в руки, медленно произнес Гуров.

– Там вы не нашли этих доказательств? – Женщина кивнула в сторону комнаты сына.

– Есть запись в ежедневнике. Игорь искал работу, просматривал объявления. – Сыщик раскрыл записную книжку, показал женщине. – Видите, напротив записи жирный восклицательный знак. Как думаете, что он означает?

– Что запись очень важная, – не раздумывая, ответила Зоя Ильинична. – Игорек всегда так важные моменты отмечает.

– Значит, с работодателем он связывался, – заключил Гуров и осведомился: – Скажите, за последний месяц у него случались командировки на несколько дней?

– Нет, надолго он не уезжал.

– Вы позволите мне взять записную книжку? – спросил полковник.

– Что я могу ответить? – По щекам женщины потекли слезы. – Я дам вам добро, а через два дня вы скажете, что благодаря моему разрешению можете посадить моего сына за решетку.

– Зоя Ильинична, поймите, если ваш сын виновен, то он все равно понесет наказание, – тщательно подбирая слова, произнес сыщик. – Возьму я записи с собой или нет, особой роли это не сыграет. Если он виновен, то я это докажу. Если же нет, то не исключаю, что именно этот шаг поможет нам выйти на преступников. Понимаю, Игорь – ваш сын, а Иван вам никто, но ведь все в этой жизни взаимосвязано, за все приходится платить, и каждое наше действие имеет определенные последствия. Какие? Мы и сами знать не можем. Я не могу сказать, пойдет ли это на пользу вашему сыну. В любом случае решать вам.

– Обещайте, что при любом раскладе поможете моему сыну. – Взгляд женщины пронзал Гурова насквозь.

В нем была такая неизбывная боль, что он буквально физически ее ощутил.

– Обещаю, – твердо произнес Лев Иванович.

Женщина еще минуту вглядывалась в глаза полковника, потом отступила, махнула рукой и опустилась в кресло.

– Берите все то, что вам нужно, – еле слышно произнесла она.

Глава 4

Тусклая половинчатая луна светила довольно скромно. Одиноко стоящие деревья едва отражались в водной глади, казались нереальными, будто талантливый скульптор изваял их прямо из воздуха. Холмы вдалеке, узкая дорога, заросшая от ненадобности, рогатые столбы с тремя укосинами, старый развалившийся сарай. Все это выглядело каким-то сказочным, не настоящим. Только кирпичная постройка, торцевой стеной выходящая прямо к дороге, смотрела угрюмо и как-то совсем не к месту.

В угловой комнате этого здания на дощатом полу лежал молодой человек. Все красоты мира, сказочно подсвеченного луной, он не видел. Только ее саму, невзрачную на фоне набегающих туч. Когда она выходила из-за туч, свет падал на его лицо через окно, и он блаженно щурился. Когда исчезала, этот персонаж просто ждал и размышлял.

Сегодня был хороший день. Люди часто произносят подобную фразу, когда оценивают определенный отрезок прожитой жизни. Что такое «хороший день»? Значит ли это, что каждая его минута была наполнена радостью? Или же какое-то определенное событие, произошедшее в течение последних двадцати четырех часов, оказалось настолько значимым, что положило основу для того, чтобы день считался хорошим? Что вообще значит слово «хороший», каковы критерии оценки?

Психолог ответил бы, что для каждого индивида и любой конкретной жизненной ситуации они свои. Пожалуй, в этом есть резон.

Голодный старик, получивший на ужин вместо черствого куска заплесневелого хлеба пышную сдобную булку, посчитает себя счастливчиком, а этот день назовет исключительно хорошим. Богач, привыкший питаться круассанами и севрюгой, на сдобную булку и не взглянет. Случись так, что она станет единственным его пропитанием, он посчитает себя самым несчастным в мире человеком.

Если ты ездил на внедорожнике повышенной комфортности, то перспектива пересест на отечественную «копейку» вгонит тебя в глубочайшую депрессию. Если занимал пост генерального директора преуспевающей фирмы, то предложение перебраться в сторожку охраны поставит тебя в тупик. Если ты владел благоустроенной квартирой, то тебя не обрадует перспектива ночевать в убогой комнатенке без отопления и с огромной дырой в потолке.

А вот его возможность провести ночь в тишине пустой холодной комнаты, на старом матрасе, брошенном на голый пол, очень даже обрадовала. Сам факт того, что можно просто лежать, уже приносил ему несказанное удовольствие. Так можно ли считать, что у него был хороший день, если закончился он вот так, относительным покоем? Да, именно так он и полагал.

Как же быстро меняется этот критерий! Раньше, при других обстоятельствах, этот человек никогда не назвал бы прошедший день даже сносным. Теперь даже право помочиться без свидетелей он воспринимал как высшее благо. Почему? Да потому, что обстоятельства его жизни кардинально изменились.

Первые двадцать четыре часа, если отсчитывать от того момента, когда все полетело в тартарары, назвать жизнью язык у него не поворачивался. Он пытался изгнать из памяти воспоминания об этом. Но так уж устроен человеческий мозг, что контролировать память, управлять ею мало кому удастся. Мерзкое устройство, этот самый мозг. То, что нужно вспомнить, он напрочь блокирует, то, что хочется раз и навсегда забыть, подсовывает снова и снова.

Интересно, мечтал ли Гитлер повернуть время вспять и отказаться от захвата России? Хотел ли Цезарь вернуться в прошлое и никогда не переходить Рубикон? А Наполеон? Пошел бы он на Россию, если бы заранее знал, что его ждет всего лишь разоренная Москва?

Люди часто сожалеют о поступках, совершенных ими. Они мечтают изменить прежнее решение, принесшее им разочарование. Это еще в лучшем случае.

Сам он изменил многое в своей жизни, оказалось, что даже слишком. Почему этот парень раньше не задумывался об этом, не прикидывал последствия своих поступков? Наверное, он считал такое занятие бесполезным, а может, жалел время.

Теперь дело другое. Сегодня у него не осталось ничего, кроме времени, да и того не в избытке. Что-то, а это он осознавал как никогда четко.

Отчаяние накатывало на парня волнами. Просветления, проблески надежды появлялись все реже и реже. Он понимал, что скоро умрет, и это сводило его с ума.

Не свихнуться окончательно ему помогали лишь воспоминания. Рассудок цеплялся за самые незначительные эпизоды, способные поднять настроение, взбодрить хоть ненадолго.

Иногда эти картинки оказывались настолько яркими, реалистичными, что ему становилось больно. Поход с матерью в магазин игрушек. Она тогда собрала все свои накопления и позволила сыну выбрать все, что придется ему по душе.

А это вот случилось после приступа. Ночью он проснулся весь в поту. Постель промокла так, что в первый момент ребенок решил, что мочевого пузыря сыграл с ним дурную шутку. Но нет, мокрой оказалась даже подушка. Тогда он решил поменять постель. Не спать же остаток ночи в луже!

Однако попытка подняться не увенчалась успехом. Ноги совершенно его не слушались. Они просто отказывались воспринимать сигнал мозга, да и все.

Как он испугался! Даже закричал от страха так громко, что мать услышала и прибежала. Она схватила его за руку, трясла и спрашивала, что случилось. Сын не знал, что ей ответить, лежал и плакал.

Конец этому кошмару положил отец. Он вошел в спальню, включил свет, с минуту стоял столбом, потом сгреб мальчишку в охапку, отволок в ванную комнату, засунул под ледяной душ, затем под горячий. Так несколько раз. Произошло чудо, ноги зашевелились! Вот тогда он действительно описался. От облегчения.

Родители вытерли его насухо, сменили белье, уложили в постель. Отец не позволил матери остаться с ним, отправил спать, сам же до утра просидел на полу возле изголовья. А наутро все прошло, будто ничего и не было.

Мать пыталась выяснить, что же спровоцировало ночной приступ. Она два месяца подряд таскала сына по больницам, но врачи так ничего и не сказали ей насчет этого.

Зато благодаря той ночи он стал обладателем новейшей модели радиоуправляемого вертолета! Как же завидовали ему дворовые мальчишки!

Или еще один случай. Первая рыбалка с отцом, который взял его с собой по просьбе матери. Тот любил заниматься этим в одиночку, компания ему только мешала, но жене отказать никогда не мог.

Вот мальчик, экипированный по всем правилам настоящего рыбака, вышагивает к электричке. За плечом у него висит садок, в руке сжата легонькая удочка. Мальчишки во дворе провожают его завистливыми взглядами. Еще бы! Три дня в подмосковной глуши один на один с дикой природой. Это же настоящее приключение!

Однако рыбалка ему совершенно не понравилась. Сидеть в полном молчании на берегу, когда хочется спать и есть. Тут нет ничего хорошего.

Вероятно, отец это предвидел, потому и согласился на уговоры матери. Тот поход стал первым и последним в истории совместного времяпрепровождения отца и сына. Но все же сейчас эти воспоминания грели душу парня.

А уколы? Вот уж действительно развлечение не для слабонервных. Он так их боялся, что дважды кусал мать за руку, пока она не научилась уворачиваться.

Уколы – это была страсть матери. При малейшем заболевании сына она самостоятельно назначала ему болезненную процедуру, заменяла таблетки инъекциями. Так продолжалось до двенадцати лет. После он просто отказался стягивать штаны и подставлять ягодицы под иглу. Как ни странно, мать приняла его решение.

Он был горд собой. Настоял на своем, добился желаемого. Но в душе парнишка жалел об этом, так как каждый курс инъекционного лечения сопровождался всевозможными поблажками. Это были внеплановые походы в кино, дополнительные выдачи мелочи на карманные расходы и много сладостей. Да, и эти воспоминания оказались в итоге приятными.

Луна снова скрылась за тучей, комната погрузилась во мрак. Настроение у него мгновенно изменилось. Руки заныли, по икрам пошли судороги, во рту появился металлический привкус. Конечно, все это было и раньше. Просто пока он был занят созерцанием лунного света и воспоминаниями, эти беды ощущались не так остро.

Интересно, как долго ему еще удастся продержаться? Что станет с ним, когда они поймут, что напрасно тратят время? Наверное, они его убьют. А как иначе? Он видел их лица, знал имена и клички, являлся опасным свидетелем, пока еще живым.

К вопросу о том, что хочется изменить в прошлом, парень подбирался осторожно. Ему хотелось понять, что и когда действительно пошло не так. Не последние решения, а те, которые остались далеко позади, сформировали его представления о правильной жизни, о том, чего же в конечном итоге он хочет добиться.

С последними решениями все обстояло очень просто. Чтобы не вляпаться в то дерьмо, в котором он сейчас находился, ему нужно было всего лишь остаться дома в злополучный вечер. Если брать немного раньше, то не стоило соглашаться на скользкое предложение.

Но ведь оказаться в том же месте или в подобной ситуации он мог и при иных обстоятельствах. Другой день, новое предложение, а итог один. Холодная комната, грязный матрас, канун смерти.

Куда важнее понять, как вообще он мог попасть в подобную ситуацию. Где совершил просчет, когда выставил неверные приоритеты? Почему это стало для него настолько важным именно сейчас, в тот момент, когда изменить уже ничего нельзя?

Ответа на этот вопрос у него не было. Вернее сказать, он был, но успокоения, вздумай парень его озвучить, ему не принес бы.

Поэтому он и уходил от честного ответа, много часов подряд перебирал в памяти все основные вехи своей короткой жизни, пытался перекроить ее, увести от опасного поворота хотя бы в мыслях и не мог. Почему? Да потому что с самого детства стремился уйти от реальности, погрузиться в ту жизнь, которая ему не принадлежала, не была предназначена. Вот и ушел.

Дверь заскрипела. На стене образовалась тонкая полоска света, начала расширяться.

Он застонал. Все, началось! Покой окончен, хороший день подошел к концу. Начался новый виток.

Выживет ли он на этот раз? Продержится ли еще хоть какое-то время? Сил совсем не осталось. Ни капельки, ни крошечки.

Парень ощущал это так явственно, будто какой-то недобрый ангел вдруг решил назвать ему дату его смерти. Так вот взять и озвучить. Мол, сегодня ты умрешь. Точка. Дальше пустота.

– Да почему? С чего ты вдруг решил, что наш единственный подозреваемый является всего лишь несчастной жертвой обстоятельств?

– Я этого не утверждаю. Просто высказываю свое предположение. Доказательств чего-то обратного у нас нет.

– И не будет! Потому что он виновен.

– Это тоже нужно еще доказать.

– Так доказывай! Не ищи причины, не строй иллюзий, а действуй.

Этот спор происходил в кабинете на Петровке. Стас Крячко, сторонник радикальных мер, нарезал по кабинету круги, размахивал руками и всеми доступными способами пытался отстоять свою точку зрения. Полковник Гуров вел себя спокойнее, но и он не вполне контролировал свои эмоции. Разговор на повышенных тонах продолжался около часа. Предметом жаркой дискуссии являлся Игорь Никифоров, а поводом для нее стал вчерашний визит Гурова к его матери.

В управление Гуров приехал рано, еще и семи не было. Он собрал воедино все факты, какими только располагал, и начал конструировать картины событий, предшествовавших преступлению.

До дня икс Веденеев и Никифоров вели совершенно обычную жизнь. Работали, учились, посещали публичные места. Об их дружбе знали родственники, соседи и друзья. По поводу разногласий между приятелями информации ни из одного источника не поступало. Выходило, что до злополучной ссоры в ресторане они вполне ладили между собой.

Игорь Никифоров грезил идеей разбогатеть. Желал ли Веденеев того же? Если да, то именно на этой почве они и могли сойтись. Просто Иван оказался скрытным человеком, поэтому никто из друзей и родственников не был осведомлен о его мечтах.

Тут стоило учитывать и разницу в возрасте. Для Веденеева взрослая жизнь только началась, никто и не ждал от него, что в девятнадцать лет он вдруг обретет сразу все: и опыт, и статус, и финансовую стабильность.

В случае с Никифоровым все обстояло иначе. К двадцати восьми ты уже встал на ноги или оставил попытки подняться выше своих возможностей и довольствуешься тем, что уже имеешь. Отсюда и выходило, что Никифорова все знали как ловца птицы-удачи, а Веденеева – как скромного вчерашнего школьника.

Если взять за гипотезу предположение, что Никифоров виновен в убийстве Веденеева, то что отсюда вытекает? Да то, что оно не было запланированным действием. Либо Никифоров совершенно не позаботился о том, чтобы не попасть под подозрение. В самом деле, если разобраться, то выйдет, что он, совершая преступление, совершил все возможные ошибки и промахи.

Игорь сообщил матери о своем намерении увидеться с Веденеевым, то есть явно указал на время последней встречи. Он привел Ивана в ресторан, где считался завсегдатаем. Там его отлично знали. По сути дела, он подставил себя капитально, к тому же допустил ссору при свидетелях. Затем, вместо того чтобы остаться на глазах у десятка людей, этот субъект покинул ресторан и последовал за жертвой, а после этого просто исчез, испарился, наплевав и на работу, и на родную мать.

Глупо? Конечно, да еще как! Пусть Игорь и не готовил преступление заранее, но все равно должен был позаботиться о своей безопасности. Однако он этого не сделал.

Сыщик допускал, что Никифоров какое-то время назад не собирался убивать друга. Что могло послужить толчком к принятию такого решения спонтанно? Только разногласия по некоторому серьезному вопросу. Они имели место. Это доказывает ссора, приключившаяся в ресторане.

Бармен предположил, что Никифоров пошел догонять друга, чтобы помириться с ним, но ведь могло быть и по-другому. Нельзя исключать, что он отправился следом за Веденеевым, чтобы остановить его любой ценой. Несколько минут ему понадобилось для принятия этого сложного решения.

До этого момента картина вписывалась в те факты, которыми располагал Гуров. А вот дальше шла сплошная ерунда.

Лев Иванович допускал, что Никифоров догнал Веденеева возле машины. Там он продолжил спор, предпринял очередную попытку переубедить друга. Когда она не увенчалась успе-

хом, Игорь мог разозлиться или впасть в отчаяние. Он заставил Ивана остановиться, оглушил его, связал, засунул в машину и увез подальше от ресторана.

Куда именно? Если заранее место не выбрано, то люди обычно едут наугад, лишь бы подальше от людных мест.

Куда отправился Никифоров? На кладбище? Сомнительно. Чтобы довести парня до того состояния, в котором его нашли, нужен не один час и хоть какое-то укрытие от посторонних глаз. Частный дом, гараж, расположенный где-то на отшибе, заброшенный подвал или что-то в этом роде. Веденеева пытали не один час. Таково мнение экспертов, и с этим не поспоришь. Так куда Никифоров мог отвезти приятеля, да еще спонтанно? Задача сложная.

Пусть у Никифорова на примете все же было такое уединенное место. Он привез Веденеева туда и начал пытаться. Что он хотел у него узнать? Почему это оказалось настолько важным? Какую информацию мог скрывать девятнадцатилетний парень? По какой причине он не озвучил ее добровольно? Ведь они же друзья. Ранее конфликтов между ними не возникало.

Гуров понимал, что выяснить суть тайны, которую скрывал от друга Веденеев, сейчас не представляется возможным. Значит, этот момент лучше пропустить, отложить до поры до времени.

Нельзя откладывать вопрос о том, как развивались события дальше. Что сделал Никифоров, когда понял, что ничего от друга не добьется? Он упаковал его в багажник и отвез на кладбище. Или же понял, что перестарался с пытками, бывший друг не сегодня, так завтра отправится в мир иной, и тогда решил избавиться от тела.

Почему он оставил парня в живых? Ведь должен был понимать, что тот представлял угрозу даже в том состоянии, в котором находился. Почему Игорь его не убил? Не позволила память о былой дружбе? Возможно. Лев Иванович считал, этот факт является самым весомым аргументом в пользу версии о вине Никифорова.

Итак, Игорь отогнал машину с Веденеевым в багажнике на кладбище. Что дальше? Куда он подался? Почему не вернулся домой, бросил работу, отключил телефон и до сих пор не дает о себе знать? Он ведь должен понимать, что подобное поведение дает лишний повод считать его виновным. Однако этот субъект исчез.

Дойдя до этого момента в своих размышлениях, Гуров остановился. Что-то во всей этой картине ему не нравилось. Он упускал из виду что-то весьма существенное. Но что именно?

Сыщик вернулся к самому началу. Он мысленно прошел тот путь, который в тот день должен был преодолеть Веденеев, затем начал проделывать то же самое с Никифоровым. Вот он выходит из дома...

И тут его осенило. Автомобиль Никифорова! Вот что он упустил.

Такой промах и зеленому новичку не всегда простителен. Как можно было не обратить внимания на этот момент?

Ведь Никифоров, как и Веденеев, зарабатывал извозом. Следовательно, он имел свой автомобиль. Или нет? Некоторые автопарки предоставляют наемным водителям служебные машины.

Как было в случае с Никифоровым, выяснить труда не составляло. Гуров сделал один звонок и через пару минут получил информацию по марке, модели и номерному знаку автомобиля Никифорова. Он оказался собственностью Игоря, а местоположение его предстояло выяснить.

Дело получило новый импульс. Если Никифоров сбежал, то наверняка на своей машине. Да, понятно, что отыскать беглеца на личном авто гораздо проще, чем если бы он воспользовался угнанной тачкой. Но когда нужно выиграть время, такой вариант вполне оправдан.

Для начала Льву Ивановичу нужно было выяснить, где обычно Никифоров оставлял свой автомобиль. На этот вопрос способна была ответить мать Игоря, но она подозревала, что Гуров

считал ее сына преступником, поэтому могла не пойти на контакт. Кому еще можно задать вопрос про авто Никифорова? Соседу Антону? Вполне резонно.

Тот взял трубку после второго гудка. Ответ на вопрос, интересующий сыщика, у него был наготове. Когда Никифоров не таксовал, он оставлял машину на автостоянке, расположенной в пятидесяти метрах от дома. Антон оказался так любезен, что сходил туда. Оказалось, что машина несколько дней стоит без движения. По записям охранника получалось, что оставил ее Никифоров на этом месте как раз в тот вечер, когда исчез Веденеев.

Новый импульс никуда не привел, лишь сильнее запутал дело.

В ресторан Никифоров приехал своим ходом, оттуда он, скорее всего, укатил на машине друга, а что происходило дальше? Гуров допускал, что Игорь отогнал авто с трупом в багажнике на кладбище. Когда удобнее всего это сделать? Не глубокой ночью, это точно. Об эту пору ворота закрываются. Все попытки проникнуть внутрь, тем более на колесах, не обойдутся без вмешательства сторожа. Кто станет так светиться?

Никифоров должен был вернуться к ресторану, взять там свою машину и отогнать ее на стоянку. Куда он подевался после этого?

Затянувшиеся размышления сыщика прервал приход Стаса. Тот едва порог перешагнул и сразу понял, что, как выражался генерал Орлов, Гурова понесло не в ту степь.

Он прикрыл за собой дверь и задал свой коронный вопрос:

– Что опять не так?

– Пока не пойму, – ответил Гуров. – Кручу дело и так, и сяк, а сути уловить не могу. Беда даже не в том, что я не знаю, каков мотив преступления. Его можно и условно определить при таком-то раскладе.

– Что это значит? Уж будь так любезен, поясни мне, бестолковому, – съязвил Крячко.

Настроение старинного друга ему не понравилось. Обычно вслед за такими вот фразами Гурова шли крупные неприятности, появлялась дополнительная куча работы. Поэтому повода радоваться у Стаса не было.

– Каковы основные мотивы подавляющего большинства убийств? Это корысть, ревность и месть, – начал Гуров. – Мстить парню, с которым ты дружен, вроде как не за что. Ревностью в отношениях между Веденеевым и Никифоровым и не пахнет. Ни у того, ни у другого и девушки-то постоянной не было. А вот жажда наживы вполне может подойти. Этот самый мотив мы и возьмем в качестве основного.

– Чем же таким ценным обладал Ваня Веденеев, что заслужил столь жестокую смерть? – Крячко продолжал язвить.

– Я не знаю, – просто ответил Гуров. – В противном случае можно было бы считать дело решенным.

– И не узнаешь хотя бы потому, что нет у Веденева несметных богатств, которыми во что бы то ни стало решил завладеть Никифоров.

– Богатств-то, может, и нет, а вот шанс заполучить их мог появиться, – заявил Гуров.

Он рассказал Стасу о новостях из Парижа, о криминальной личности по кличке Гром, о поездке к Зое Ильиничне, записи в ежедневнике и своих изысканиях относительно автомобиля Никифорова.

– Что же из всего этого следует? Никак не уловлю, куда ты клонишь, – произнес Крячко, как только Лев Иванович закончил монолог.

– Возможно, Никифоров вовсе не преступник. Вполне вероятно, что он – еще одна жертва, – сказал Гуров.

– Нет, товарищи дорогие, вы его слышите? – едва ли не выкрикнул Крячко, как только его друг высказал свое предположение. – Он теперь преступника в мученики записал!

– Не кипятись, Стас. В моих словах есть резон. Давай попробуем разобраться в ситуации вместе, – проговорил Лев Иванович Гуров. – Ведь ты же не станешь отрицать, что поведение Никифорова при сложившихся обстоятельствах выглядит совершенно нетипично.

– И что с того? Нет, я еще могу согласиться с тем, что он не планировал убивать друга. Парень утратил контроль над собой, переусердствовал, понял это, избавился от трупа, а потом запаниковал. Ведь он не прожженный уголовник. Вот и начал совершать одну ошибку за другой. Сейчас сидит где-нибудь в глухой деревне за тысячу километров от Москвы и трясется от страха. Или, если мозгов хватило, быстренько слинял за границу. Жить на нелегальном положении ему не привыкать.

– Ты снова забыл про мотив. Если бы он Веденееву в пылу ссоры череп проломил, потом испугался последствий, запихнул труп в багажник и спрятал машину на кладбище, то я бы и слова не сказал. – Гуров вел разговор так, словно пытался убедить в своей правоте не столько Стаса, сколько себя самого. – Но ведь мы оба знаем, что мальчика пытали. Долго и изощренно. Зачем? Ответ может быть лишь один. Из него пытались выбить какие-то сведения. Если оставить основным мотивом корыстные побуждения, то выходит, что Веденеев, по мнению его мучителей, должен был обладать информацией, которая способна была озолотить их.

– Или же спасти от банкротства. – В голосе Крячко зазвучало удивление. – Слушай, а ведь ты, наверное, прав насчет корысти. Смотри, что получается. Никифоров нашел какую-то работу, очень выгодную, связанную с командировками и перевозкой мелких грузов. Тебе это ничего не напоминает?

– Думаешь, наркокурьер?

– Да.

– Черт, а ведь верно. Торговцы решили наладить линию поставки наркотиков малыми партиями на незасвеченном авто с настоящими документами, – начал развивать мысль Гуров. – Использовать для этой цели две машины попеременно – еще более удачная идея. Данная тема наркотиков уже мелькала у меня в голове, но общая картина прежде как-то не прорисовывалась. Теперь же все встает на свои места.

– Ну да! И легальная работа у них одна на двоих. В случае командировки они подстраховывать друг друга могут, – продолжил Крячко.

– Это все второстепенно, – отмахнулся Гуров, голова которого работала на полную мощность. – Допустим, Никифоров через интернет вышел на поставщиков наркотиков, сумел с ними доболтаться и получил работу, так сказать, на долгий срок. Чтобы не светить свою машину больше, чем нужно, он подтянул в дело Веденеева, но про криминальный душок дела промолчал. Иван съездил в командировку, доставил груз, но каким-то образом узнал, что именно он привез, и взбунтовался. Заявил, что выходит из игры. Возможно, пригрозил, что пойдет в полицию. Никифоров этого допустить не мог. Он догнал парня, оглушил и увез в укромное место.

– А зачем увез? Чего ради пытал? – вклинился в размышления друга Стас.

– Чтобы тот вернул товар. Идти в полицию, не имея доказательств? Нет, это было бы не особо умно. Веденеев припрятал партию, которую привез из командировки, а Никифорову нужно было ее вернуть.

– Во что бы то ни стало, – медленно протянул Крячко. – Да, Лева, наворотили мы историю. Нам с тобой впору кино снимать.

– Сценарий, может, и пройдет, а вот режиссура наверняка подкачает, – с усмешкой произнес Гуров. – Ладно, мечтатель, что делать-то будем?

– Разрабатывать план поимки Игоря Никифорова, – ответил Стас и пожал плечами.

– Похоже, твоя взяла, – вынужден был признать Гуров. – Так или иначе, а Никифорова нужно искать.

На стоянку, где Никифоров держал автомобиль, сыщики решили отправить оперов из отдела на тот случай, если он там объявится. За девушкой Натальей с экономического факультета, которая какое-то время встречалась с Игорем, они установили наружное наблюдение. Выставлять пост в квартире Никифорова господа полковники не стали, решили, что хватит и того, который у стоянки. Район-то один. На то, что Игорь появится в ресторане, особой надежды они не возлагали, но администратора все-таки решили предупредить.

С чего начинать поиски человека, если все места, где он бывал, уже осмотрены, свидетели опрошены, а транспорт взят под контроль? Сыщики подумали малость и решили отправиться в то место, где Никифоров был замечен последний раз. Они поехали в ресторан, прошлись вверх-вниз по набережной, насчитали девять камер и пришли к выводу, что легче всего отследить передвижение автомобиля Веденеева по записям с них, датированным соответствующим числом.

Они не справились с этой задачей за три часа, отсмотрели километры цифровых видеозаписей, но это было далеко не все. Пока им удалось узнать только то, что машина Веденеева ушла со стоянки спустя восемь минут после того, как он вышел из ресторана.

Неизвестно, чем закончилась бы эпопея с записями, куда она завела бы оперативников, если бы в тот момент в кабинет не вошел Валера Жаворонков.

Он взглянул на монитор компьютера Гурова и удивленно поднял брови.

– По-старинке записи просматриваете? Вручную? – Парень старался, чтобы вопрос звучал корректно, но тон его выдал.

– Что смешного? – хмуро осведомился Крячко. – Как, по-твоему, мы должны их смотреть?

– Вы ищете конкретный объект? – задал Валера уточняющий вопрос.

– Совершенно конкретный, – вступил в разговор Гуров. – Нам нужно проследить передвижения автомобиля. Есть марка, модель, номерной знак и все остальное.

– Тогда проще воспользоваться программой, которая у меня есть. Загружаешь в программу видео, вводишь индивидуальные параметры в фильтр, запускаешь поиски и ждешь, – сказал Жаворонков. – Времени затрачивается намного меньше, а результат налицо.

– Стало быть, у тебя есть такая программа? – уточнил Лев Иванович.

– Да, конечно. Мы в отделе часто ею пользуемся, – ответил Жаворонков.

– Тогда забирай записи и действуй. – Гуров сунул флешку в руку Жаворонкову. – Когда будет результат, позовешь.

– Фильмом смонтировать? – поинтересовался Жаворонков.

– Это как?

– Те кадры, которые будут относиться к искомому объекту, программа смонтирует в отдельный файл в соответствии с временными отметками, – пояснил Жаворонков. – Например, если машина проезжала мимо дома номер восемь в шесть пятнадцать, а мимо дома номер шесть – в шесть четырнадцать, то программа поставит их в строгом соответствии со временем, даже если автомобиль будет ездить по кругу.

– Здорово! Это как раз то, что нам нужно, – с искренней радостью проговорил Крячко. – Чего же ты, Валера, раньше молчал? Мы три часа на эту ерунду убили.

– Так тема не появлялась, – заявил Жаворонков. – Теперь она возникла, вот я и говорю.

– Ладно, гений, беги, – поторопил парня Крячко. – Сделаешь, мы твои должники на долгие годы.

– Нет уж, такой расклад не по мне. Одно дело делаем, – произнес Жаворонков. – Просто сработаю, да и все.

– Хорошо, Валера, просто сработай, да и все, – поддержал сослуживца Гуров. – Никаких долгов.

Жаворонков благодарно улыбнулся, кивнул и вышел.

– Чего дразнишь парня? – напустился на друга Лев Иванович. – Знаешь ведь, что он не из тех, кто за выгодой гоняется.

– Да ладно тебе, – отмахнулся Крячко. – Не собирался я его дразнить, просто к слову пришлось. У меня тут мысль возникла. Хочешь послушать?

– Собрать данные с камер видеонаблюдения по основным дорогам? – опередил его Гуров. – Мысль хорошая.

– Какой же ты вредный. Мог же промолчать, дать мне почувствовать свою значимость и гениальность, – сказал Крячко и усмехнулся. – За Жаворонкова вон как заступаешься, а напарника гносишь.

– Напарнику полезно. У него и так крылья из лопаток лезут и нимб над головой уже светится, – заявил в ответ Гуров.

– Так что насчет моей идеи? – спросил Крячко.

– Подождем пока. Пусть Валерина умная программа определит, в каком направлении ушел автомобиль Веденеева. Потом будем решать, как записи с камер быстро собрать, – ответил Гуров.

Глава 5

К шести часам вечера между господами полковниками снова разгорелся спор. На этот раз они решали вот какой вопрос. Начинать ли поиски того места, где Иван Веденеев подвергался пыткам, немедленно, или отложить решение этой задачи. Гуров настаивал на том, что следует поспешить, Крячко же ратовал за утро.

– Зачем горячку пороть? – спросил он. – Утро вечера мудренее. Поспесишь, людей насмешишь. Слышал такие пословицы?

– Слышал. Но мы и так потеряли слишком много времени, – заявил Лев Иванович. – Раз уж речь зашла о пословицах, то как тебе такая: дорога ложка к обеду!

– Да ни хрена с этой ложкой не сделается. Поедем утром, на свежую голову, – настаивал на своем Крячко. – Куда ты сейчас? Темень на дворе. По кустам как шариться будешь?

– Еще час до захода солнца. Мы вполне успеваем, – отстаивал свое мнение Гуров.

– Пока доберемся, как раз стемнеет. Ты предлагаешь команду криминалистов с собой тащить? Вряд ли эта идея вызовет у них восторг. – Крячко уже понял, что спорить с другом бесполезно.

Он знал, что Лева скорее один рванет на поиски, чем согласится отложить поездку. Но попыток образумить друга Стас не прекращал.

Время, которое Гуров считал упущенным, они провели не в праздности.

Валера Жаворонков с заданием справился за пятнадцать минут. Ровно столько времени ему понадобилось на то, чтобы отсортировать важные кадры и слепить из них короткометражный фильм.

На кадрах, показанных Жаворонковым господам полковникам, путь автомобиля Веденева отслеживался довольно четко, но недостаточно далеко, чтобы определить, в каком направлении дальше собирать записи с камер. Он выехал с набережной на Кутузовский проспект, с него, скорее всего, должен был уйти на Третье транспортное кольцо, но записей с камер, расположенных там, у сыщиков не было. С этого и начались долгие поиски.

Гуров связался с районным отделом инспекции дорожного движения и оформил запрос на изъятие видеозаписей с камер, расположенных по Кутузовскому проспекту. Надо отдать должное сотрудникам этой службы. К просьбе Гурова они отнеслись с пониманием и переслали записи в течение тридцати минут.

Но это было только начало. Дальше Гуров действовал по отработанной схеме. Он, восемнадцать раз повторив запрос, менял только отрезок пути.

Так до тех пор, пока след не вывел сыщиков на Дмитровское шоссе. Из поля зрения камер машина Веденева исчезла где-то в районе Икши.

Крячко вздохнул с облегчением. Гуров уже потирал руки. Тут-то Валера Жаворонков и подбросил им новую мысль. Почему бы не попробовать отследить обратную дорогу автомобиля? Ведь попал он как-то на Старо-Марковское кладбище.

Крячко застонал, Гуров вздохнул, и все началось сначала. Хорошо хоть, что от Икши до кладбища путь почти не менялся. Зато временной диапазон увеличился. Но оперативники справились и с этой задачей. В результате они выяснили путь автомобиля практически до самого кладбища, вместе со временем и датой, когда он туда попал.

Теперь Гуров настаивал на том, что в Икшу следует поехать именно сейчас. Крячко, измотанный кропотливой работой по составлению целой картины из кусков, требовал заслуженного отдыха.

– Криминалистов с собой брать не будем. Сперва найдем место, потом вызовем их. – У Гурова уже имелся четкий план действий. – А что поздно, так есть дежурные бригады. Работа у них такая, ненормированная. Когда поступает сигнал, тогда они и выезжают.

– Давай хоть генералу доложим, прежде чем с места срываться. – Крячко предпринял последнюю попытку добиться своего.

Втайне он надеялся на то, что генерал не одобрит ночных походов и в приказном порядке запретит им ехать в Икшу сейчас, на ночь глядя.

– Он согласится, Стас, напрасный труд. – Гуров легко разгадал расчет напарника. – Я приведу ему пару-тройку аргументов, и он даст добро.

– Ладно, Лева, твоя взяла. Но учти, завтра раньше полудня меня в управлении можешь не искать. В конце концов, я имею право на сон! – заявил Крячко.

– Не бузи, Стас. Мы быстро управимся. Туда и обратно, – сказал Гуров. – В дороге сможешь подремать.

Ехать они решили на «Пежо» Гурова. Время для поездки оказалось не слишком удачным. Трудовой народ как раз начал разъезжаться по домам, пробок хватало, так что из города сыщики выбирались часа полтора, а то и все два. Только выехав за МКАД на Дмитровку, они вздохнули с облегчением.

Вернее сказать, это сделал Лев Иванович. Станислав Васильевич же сразу, как только в машину сел, глаза закрыл и захрапел. Гуров его не тревожил. Ему было о чем поразмышлять, и в компании он сейчас не особо нуждался.

Больше всего тревожили его два пункта. Почему Веденеев не сказал негодяям, пытавшим его, то, что они хотели узнать? По какой причине они оставили его в живых?

Первый пункт не вписывался ни в один сценарий, составленный сыщиком накануне. Второй же можно было вставить в тот, где Никифоров проходил как убийца. Однако тогда становилось непонятно, почему Веденеев предпочел выдержать пытки.

Если его пытали незнакомые люди, то он мог молчать из страха, считал, что, как только мучители получат свое, они с ним расправятся. Классика жанра, так сказать. Но ведь с Никифоровым все иначе. Он не убийца, а человек, доведенный до отчаяния. Так должен был рассуждать Веденеев. Почему не дать ему то, о чем он просит, и не уйти? Странно все это и непонятно.

К повороту на Икшу подъехали в половине девятого. Гуров растолкал Стаса.

План, разработанный Львом Ивановичем был прост. Он собирался проехаться по улицам поселка, пообщаться с местными жителями и получить информацию о домах, которые стоят бесхозными. Сыщик никогда не был в Икше и представлял себе этот поселок с населением в четыре тысячи человек чем-то вроде деревеньки со старенькими домишками, разваливающимися от времени.

Реальность оказалась несколько иной. Наличие в поселке Икшинского водохранилища и шлюзов при нем дало толчок развитию этой местности. Муниципальные санатории, частные загородные клубы, современный жилой комплекс – все это никак не вписывалось в представления Гурова и нарушало его планы. Он проехал Икшу из конца в конец, но пообщаться с местными жителями так и не смог.

Крячко давно понял, что намерения друга провалились, и веселился от души. В кои-то веки он оказался прав, и его предложение действовать без спешки себя оправдало.

– Чего ухмыляешься? – сердито бросил Лев Иванович, когда очередной пешеход отказался разговаривать с ним.

Делиться информацией о заброшенных домах никто из местных жителей желания не изъявлял.

– Того! – Крячко даже не пытался скрыть удовольствие. – Великий сыщик Лев Гуров сел в лужу, да еще как! Есть повод повеселиться.

– Что же в этом веселого? Прокатались три часа напрасно, а завтра снова сюда ехать. Другой зацепки ведь у нас нет.

– Эх, что бы ты без меня делал, Лев Иванович. – Стас потянулся, поправил зеркало заднего вида и продолжил: – Ладно, спасу я твою профессиональную честь. Есть у меня соображения насчет того, как исправить положение.

– Давно ты их вынашиваешь?

– Минут двадцать как, – ответил Крячко. – Если бы ты не заикливался на идее отловить местного жителя, обладающего информацией, необходимой нам, то эта мысль и тебе наверняка в голову пришла бы.

– Что за мысль?

– Железнодорожная станция, – проговорил Крячко. – И расположена она в черте поселка, и народ там работает по сто лет подряд. Наверняка все из местных. Уж они точно знают слабые места родного поселка.

– Крячко, ты свинья! – с возмущением произнес Гуров. – Столько времени молчать!

– Знаю, но ты не представляешь, насколько приятно мне было наблюдать, как твоя идея летит в пропасть! Я просто не мог отказать себе в таком удовольствии.

– Не знал, что ты такой злопыхатель! Вот уж действительно, целый век с человеком проживешь, а от сюрпризов все равно не застрахуешься.

– Ладно, прости. Глупо было с моей стороны, – примиряющим тоном проговорил Крячко.

– Я сам хорош, погнал тебя по ночи на поиски призрака. – Гуров начал остывать.

– Все, проехали. Разворачивай тачку, гони на станцию.

До станции сыщики добрались быстро, оставили машину на парковочной площадке для отъезжающих и пошли в здание вокзала. Одноэтажный домик, крытый металлочерепицей, занимали пригородные кассы и зал ожидания.

Крячко просунул голову в окошко кассы, предъявил удостоверение и поинтересовался у пожилой женщины, где найти старшего по станции. Женщина на красные корочки едва взглянула. Она сообщила сыщикам, что им нужен Подколотников Дмитрий Тимофеевич и велела идти до конца платформы. С левой стороны они должны были найти домик, поставленный для путейцев.

Дверь домика оказалась заперта. Гуров постучал. Спустя полминуты на пороге появился заспанный мужичок.

– Чего ломитесь? Глаза разуйте, касса дальше, – сердито проворчал он и собрался закрыть дверь.

– Вы ведь Дмитрий Тимофеевич будете, не так ли? Мы, собственно, к вам, – придержав створку, заявил Крячко. – Пустите нас?

– Кто такие? – осведомился мужичок.

– Из Москвы мы, уголовный розыск, – ответил Стас.

– Уголовный, говоришь? Что, грохнули кого-то на станции? – Мужичок заметно оживился. – Это я самое интересное проспал?

– Войти можно? – повторил вопрос Крячко. – В тепле куда приятнее беседу вести.

– Заваливайте. – Мужичок отступил в сторону, пропуская гостей. – Тесновато тут, зато действительно тепло. В этом году нам на отопление субсидии выделили, а в прошлом году мы замерзали, прямо как немцы под Москвой. – Этот человек, довольный собственной шуткой, зашелся дребезжащим смехом.

Крячко сдержанно хохотнул, Гуров подыгрывать не стал.

Сыщики вошли в домик, осмотрелись. Маленькая комнатенка с продавленным диваном, закрытой тумбочкой советского разлива и новеньким электрическим чайником на ней. Вот и все.

– На диван падайте, стульев нет. – Мужичок жестом предложил визитерам присесть.

Крячко отодвинул в сторону подушку, сбросил на пол телогрейку и уселся по центру дивана. Гуров пристроился с краю. Сам хозяин предпочел опуститься прямо на ту самую телогрейку, использовал ее как подстилку.

– Ну, рассказывайте, кого убили, – устроившись, заявил мужичок.

– У вас-то никого, Дмитрий Тимофеевич, а вот в Москве убивают чуть не каждый день, – подлаживаясь под настроение хозяина, начал разговор Крячко. – А нам, бедным операм, с утра до ночи по окрестностям гоняйся, преступников отлавливай.

– Эх, жалко. – В голосе мужичка звучало неподдельное разочарование. – Такая скукота здесь, на станции, хоть на стенку лезь. Так хоть какое-то развлечение было бы. Мозговой штурм, так сказать.

– Мозговой штурм? – Гуров едва сдержал удивленный возглас.

Слышать подобную фразу из уст заспанного путейца было довольно странно.

– Ну да, мозговой штурм, – повторил мужичок. – Мотив, возможность, цель. Узнать, кого убили, а там вычислять подозреваемых. Мне ведь сам процесс интересен, а результат от меня не зависит.

– Ого, какие обширные познания в области ведения исследований! Откуда? – полюбопытствовал Крячко.

– Да я ведь не всю жизнь в этой дыре прозябаю. Бывали времена, когда у трех вокзалов хорошую должность занимал, а по молодости в ментовке подрабатывал, шоферил. Там и нахватался. У трех вокзалов преступность просто зверская. Мы там трижды в неделю жмуриков собирали. То с поезда снимешь, то на путях найдешь, а то и в самом вокзале покойник пристроится. А шоферил я на труповозке, сами понимаете, насмотрелся и наслушался от души. Должность такая.

– Теперь понятно, – сказал Гуров. – Выходит, мы попали по назначению. Познания ваши могут оказаться весьма кстати.

– Да ладно! Все-таки мозговой штурм я получу, да? – Мужичок потер руки. – Прекрасно, прекрасно. Только вы погодьте, дельце одно споровю, и приступим. – Он выскочил из домика и захлопнул дверь.

Гуров решил, что тому по нужде приспичило, но через пару минут ситуация прояснилась сама собой. Вернулся мужичок весь раскрасневшийся, с запахом алкоголя и поблескивающими глазами. Из кармана штанов торчало горлышко.

– Вот, приобрел по случаю. – Он выставил на стол бутылку, уже опустошенную примерно на треть. – Вам не предлагаю. Вы же при исполнении.

– А вы, значит, на выходном? – не удержался от комментария Гуров.

– У нас тут все гораздо проще, чем у вас. Моя работа заключается в том, чтобы дважды в день пути проверить, молоточком специальным по рельсам постучать, да за лампочками на семафоре следить. Глоток вина этой работе не помеха.

Крячко украдкой ткнул Гурова локтем в бок. Не нарывайся, мол, единственного волонтера спугнешь. Лев Иванович замолчал, предоставил другу возможность действовать. Стас уже понял, что для того, чтобы вызвать у путейца интерес, придется представить ему дело об убийстве Веденеева во всех деталях. Эта идея ему не особо нравилась, но он видел, что другим способом раскатать мужика не удастся.

– Ну, выкладывайте, что у вас стряслось, – наполнив граненый стакан до краев, произнес путейец.

– Вопрос деликатный, Дмитрий Тимофеевич. Вы как человек, близко знакомый с оперативной деятельностью, должны это понимать, – польстил ему Крячко.

– Это я понимаю. Поверьте, трепаться о том, что обсуждал с уголовным розыском, не стану, – заверил мужичок сыщиков. – Можете быть уверены, все, что будет сказано в этой комнате, в ней навеки и останется.

– Отлично. С формальностями покончили, можно переходить к делу. – Стас выдержал небольшую паузу, потом продолжил: – Несколько дней назад на Старо-Марковском кладбище был обнаружен автомобиль с трупом в багажнике.

– Так вы убийц того мальчика ищете? Ого, вот это поворот! – воскликнул путеец.

– Вам известно об этом деле? – с удивлением спросил Крячко.

– Да кому же о нем не известно? Весь интернет кишит этой новостью, – возбужденно проговорил мужичок. – Такая жестокость! Мало им было избить парня, так они его еще и пытали, а потом обрекли на медленную мучительную смерть. Что за изверги совершают такое?

– Именно это нам и предстоит выяснить, – вступил в разговор Гуров, но мужичок словно не услышал его.

Он развернулся лицом к Крячко и спросил:

– Правда, что мальчишку пытали несколько дней?

Стас переглянулся с товарищем, получил утвердительный кивок и ответил:

– По данным экспертизы получается, что около суток.

– А зачем, уже известно? У нас болтают, что просто ради удовольствия. Отморозки такие, кайфуют они от чужой боли, – продолжал путеец.

– Я не могу ответить на этот вопрос, Дмитрий Тимофеевич. Следствие пока не установило причины расправы над жертвой.

– А что установили? Свидетелей нашли, кто-нибудь видел, как парнишку в багажник закидывали?

– Дмитрий Тимофеевич, давайте я вам расскажу, как все было, а потом мы вместе помозгуем, как выйти на преступников, – предложил Крячко, когда понял, что поток вопросов не иссякнет.

– Так я только «за», – сказал мужичок и одобрительно закивал. – Давайте, излагайте. Я могила!

Крячко начал рассказ с сигнала в полицию, поступившего от сторожа Старо-Марковского кладбища. Эпизод с отцом Веденева он намеренно пропустил, старался упоминать лишь о том, что и так просочилось в прессу, добавлял некоторые подробности для поддержания интереса у путейца. Он сообщил ему о дружбе Никифорова и Веденева, естественно, не называя фамилии подозреваемого, потом об изысканиях, проведенных накануне поездки в Икшу, о том, что машина Веденева прошла до самого поселка и через сутки оказалась у Старо-Марковского кладбища.

– Вот мы и решили, что эти сутки автомобиль с преступниками и жертвой находился где-то здесь, в районе Икши, – заявил Крячко.

– Это понятно. Где же ему еще быть? – заметил мужичок. – Нашли отморозки уединенное местечко, что хотели там с мальчонкой сделали, а потом в город его оттащили. Согласен, искать место пыток нужно здесь.

– Вот мы и хотели с вами посоветоваться, – заявил Крячко. – Надеялись, что вы подскажете, где поискать в первую очередь.

– Дайте подумать. – Мужичок сосредоточился, наморщил лоб. – Место-то при желании найти можно. Наш район не настолько заселен, чтобы не нашлось укромного уголка. Проблема в том, что для того, чтобы его отыскать, нужно быть тут своим, излазить все вдоль и поперек, с людьми общаться, рыбачить, охотиться или просто работать. А кто же станет гадить там, где живет?

– Вопрос хороший. По уму так и должно быть. Если не хочешь засветиться в первый же час, то ищи место подальше от своего жилья, – проговорил Гуров. – Только не всегда это срабатывает. Обстоятельства иной раз складываются так, что преступникам приходится рисковать. Быть может, это как раз наш случай.

– Ладно, давайте помозгуем, – сказал путеец и принялся размышлять вслух: – По окрестным деревням заброшенных домов хватает, да там любой чужак словно бельмо на глазу. Появился новый человек, и за ним тут же самая настоящая слежка начинается. Скучно местным, вот они к приезжим и цепляются, надеются развлечение получить, посплетничать и все такое.

– Хорошо, дома в деревнях отметаем, – проговорил Крячко. – Что еще?

– По железке сторожек путейских довольно много. Не сотня, конечно, но с десятков наберется. Они не заброшенные, но посещаются редко. Сейчас в них нужда отпала, у каждого уважающего себя путеца авто имеется. Зачем ночевать в сторожке, когда за час до дома добраться можно?

– Как их отыскать? – задал практический вопрос Гуров.

– Ты погоди искать-то, – заявил мужичок. – Они, конечно, имеются, только вряд ли вашим преступникам подойдут.

– Это почему? – спросил Крячко.

– Да потому, что места в них не больше, чем в этой халупе. – Путеец обвел рукой комнату. – Сами видите, тут втроем не развернуться, а моя хибара еще не самая маленькая. А эти ироды, насколько я понял, основательно парнишку обработали. Нет, сторожка им вряд ли подошла бы.

– Тесно, но уединенно. Если ничего другого нет, то сойдет, – сказал Стас.

– Да ты сам посмотри, здесь для удара не развернешься, – заметил путеец. – Замахнуться и то негде, а без этого какой удар?

– В общем-то да, верно, – вынужден был согласиться Крячко. – Парень умер от обильной внутренней кровопотери. Почки, печень, селезенка, все ему отбили. Для таких ударов замах должен быть серьезный.

– Есть еще место ближе к водохранилищу. Раньше там сельхозугодья были, остались дощатые амбары. Они не маленькие. Однако дорога совсем паршивая. На низкой машине не пройдешь, только на джипе или на «Ниве».

– Какие-то ориентиры подскажете, чтобы нам по темноте не плутать? – спросил Гуров.

– На карте покажу, там сами сориентируетесь, – ответил мужичок.

Лев Иванович достал телефон, загрузил из интернета карту Икшинского района. Путеец поводил по ней пальцем, обозначая дороги и примерные ориентиры, чтобы не заблудиться. Гуров и Крячко начали прощаться.

Путеец проводил их до машины и уже приготовился махать вслед, когда в мозгу у него вдруг возникла четкая картина. Кирпичные стены, окна без рам, двери на одной петле.

– Стойте! – закричал он, выскакивая прямо перед капотом автомобиля.

Лев Иванович едва успел ударить по тормозам, благо скорость не успел набрать.

Он высунулся из окна и накинута на путеца:

– Вы что, ума лишились? Выскакивать под колеса! Жить надоело, что ли, или жажда острых ощущений покоя не дает!

– Да не ори ты, – грубо оборвал полковника путеец. – Знаю, глупо вышло, только вот ты меня сперва выслушай, а потом чиховость!

– Что случилось? – уже спокойно спросил Гуров.

– Я вспомнил! Случайно на ум пришло, можно сказать, в последний момент, – зачастил путеец, подрагивая от возбуждения. – Есть место! Здесь недалеко. Подходит просто идеально!

– Что за место?

– Заброшенная воинская часть, бывший автобат. Там разруха, мусором все завалено, но многие здания все еще стоят. В несколько этажей есть строения. Кирпич, может, и сыплется уже, но парни рассказывали, что по лестницам хоть до крыши поднимайся.

– Зброшенная воинская часть, это очень интересно, – заявил Крячко. – Где она расположена?

– Да здесь недалеко. Если по Дмитровскому шоссе, то до Сухарева почти, километров десять. Там свернуть на Лысково, проехать мимо, а дальше дорога сама выведет. Она там до сих пор в приличном состоянии, а казармы издадека видать. Ночь сегодня лунная, найдете.

– Обратно, значит, ехать? – уточнил Крячко и перевел взгляд на Гурова. – По видеозаписям ведь выходит, что машина до Икши дошла, так?

– Да, до Икши точно, – подтвердил Лев Иванович.

– И на десять километров назад не сдавала? – продолжил Крячко.

– Вы про камеры, что ли? – вклинился в разговор путеец. – Так до автобата и другие дороги есть. В объезд можно проехать, вдоль железки, мимо камер. Я бы так и сделал, если бы не захотел светиться.

– Вообще-то, самый перспективный вариант, – поддержал путейца Крячко. – И от населенных пунктов далеко, и здания кирпичные, и машину спрятать есть где.

– Согласен, в первую очередь нужно ехать к автобату, – сказал Гуров. – Спасибо вам, Дмитрий Тимофеевич, вы нам очень помогли.

– Да не Тимофеич я, – вдруг заявил мужичок. – Санек меня зовут, Александр Краюхин. На путях дежурю.

– Вот это поворот! – воскликнул удивленный Крячко. – Так чего же вы сразу не сказали?

– А зачем говорить? Чтобы вы Тимофеича искать пошли? А я чем хуже? Ни хрена не помог бы вам Тимофеич! Он на пути раз в полгода выкарабкивается, все больше по начальству разъезжает да приказы отдает. Про местные достопримечательности, наверное, и не слышал никогда, – заявил путеец. – А так и вам польза, и мне развлечение.

– Да, вот учудил так учудил, – с усмешкой проговорил Гуров. – Ну что ж, Александр Краюхин, благодарим за службу.

– Жаль, к награде представить не можем, – пошутил Крячко.

– Вы лучше, если дело выгорит, черкните мне пару строк, – попросил Краюхин. – Все-таки интересно узнать, чем все закончится.

– Номер диктуй, проинформирую, – пообещал Крячко.

Он записал номер путейца, махнул рукой, и сыщики уехали.

Глава 6

Из Икши на Дмитровское шоссе машина выскочила бодро, а вот дальше Лев Иванович вел ее со скоростью черепахи, чтобы не пропустить нужный поворот. Краюхин предупреждал его, что самое главное – выбрать правильное направление на кольцевой развилке после Ермолина. Гуров старался не обращать внимания на сигналы раздраженных водителей, которым не было нужды рассматривать каждый указатель. Когда это сложное место было пройдено, он прибавил скорость.

Где-то здесь, на переходе между поселком Борец и деревней Сухарево находился поворот на Лысково. Краюхин говорил, что этот населенный пункт следует обойти по левому краю, и тогда дорога приведет напрямиком к автобату.

Как ни старался Гуров, а Лысково он проскочил и понял это только тогда, когда перед его глазами вырос указатель с надписью «Сухарево». Лев Иванович чертыхнулся. Крячко деликатно промолчал, и Гуров проехал чуть дальше, развернулся на перекрестке, дождался, когда движение ослабнет, и вклинился в автомобильный поток.

На этот раз поворот он увидел заблаговременно. Белые буквы на синем фоне сообщали, что путь к поселку найден. Лев Иванович свернул, проехал чуть вперед и остановился.

Крячко повернул голову и спросил:

– Что такое?

– Подумать надо, – ответил Гуров. – Помозговать, как лучше к делу подступиться.

– Лева, ты чего? – У Крячко от удивления вытянулось лицо. – Парня несколько дней назад отсюда вывезли. Ты кого здесь встретить надеешься?

– Ситуация какая-то уж больно непонятная, – произнес Лев Иванович. – Что-то мы во всей этой истории не догоняем.

– Что-то я никак не пойму, о чем ты толкуешь, – начал кипятиться Крячко. – Задача у нас – проще некуда. Проехаться по территории заброшенной войсковой части, осмотреть строения, в случае обнаружения места пыток вызвать криминалистов. А нет – отчаливать домой. Что может быть легче?

– Погоди, Стас, не кипятись, – попытался успокоить друга Гуров. – Смотри, что получается. Автобат этот не на дороге стоит. Чтобы до него добраться, нужно точно знать, куда едешь. Согласен?

– Согласен, – вынужден был признать Крячко.

– Тогда вытекающий вопрос. Для чего преступникам нужно было рисковать и перегонять автомобиль на Старо-Марковское кладбище? Почему они не бросили его здесь?

– Потому что тут тоже люди ходят. Грибники там всякие, охотники, рыбаки, – ответил Стас.

– И что с того? На кладбище тоже не одни покойники обитают, – заметил Лев Иванович.

– Может, они, наоборот, хотели, чтобы машину побыстрее кто-то нашел.

– Может, и хотели, но зачем?

– Да кто их знает. – Крячко пожал плечами.

– Вот в этом и загвоздка. Для меня мысли и поступки этих преступников – полная загадка. Зачем им сперва нужно было тащить парня в такую даль, а потом возвращать в город? Чего ради они вообще его живым оставляли?

– Сам-то как думаешь? – выдержав небольшую паузу, спросил Станислав.

– Вариантов несколько, но все они притянуты за уши, – ответил Гуров. – Возможно, что все это – поездка в заброшенный автобат, пытки, багажник – является лишь средством устрашения или давления на кого-то третьего. Допустим, преступникам нужно получить информа-

цию от некоего лица, но он никак не поддается ни на уговоры, ни на угрозы. Что в таком случае остается делать этим негодяям?

– На глазах у этого третьего лица пытаться человека, который тому не безразличен. Ты об этом?

– Да, это один из вариантов.

– А когда преступники информацию получили, они решили с мокрухой не связываться и отвезли тело в такое место, где его должны были быстро найти.

– И это возможно, – согласился Гуров. – В случае с Веденеевым они просто просчитались. Будь на Старо-Марковском кладбище добросовестный сторож, возможно, парня и успели бы спасти.

– Так он сдал бы их. Разве нет?

– А вот это уже другая тема, – произнес Лев Иванович. – Допустим, Веденеев знал, что в руках у преступников осталось то самое третье лицо. Они наверняка объяснили парню, что он не должен развязывать язык. Иначе его другу придется ой как плохо. Стал бы он при таком раскладе откровенничать?

– Да сто процентов стал бы. Во-первых, друга надо выручать. Во-вторых, как-то нужно объяснять то, что с ним произошло. В-третьих, жажда мести, которую еще никто не отменял.

– Нет, Стас, тут ты не прав. Мальчишке девятнадцать. Весь его опыт общения с преступным миром составляют кадры криминальной хроники и художественные фильмы. А там, сам знаешь, любят приукрашивать, причем не в нашу пользу. У них что ни преступник, так отъявленный отморозок. Вот и суди, что сделал бы Иван, если бы его все же спасли.

– Ладно, это все догадки. Сейчас-то нам что делать? Чего или кого конкретно ты опасешься? – осведомился Крячко.

– Прежде всего я опасюсь тех людей, которых мы можем встретить в заброшенных казармах, – честно ответил Гуров. – Тут мне в голову пришла вот такая мысль. Вдруг преступники забрали Никифорова вместе с Веденеевым? Что, если вывезти Ивана подальше от автобата им потребовалось для того, чтобы не привлекать внимание к этому месту, потому что с Никифоровым они еще не закончили?

– Слушай, ты прямо как сценарист мыслишь, – скептически протянул Крячко. – Давай еще скажи, что у них тут целая партия пленников. Они их по очереди трамбуют, а потом по разным частям Москвы развозят.

– Случись такое, Орлов меня со свету сживет, – невесело пошутил Лев Иванович. – Ладно, давай все же подстрахуемся на всякий случай, а там, на месте, видно будет.

– Лучше перебдеть, да? – спросил Стас.

– Всегда лучше, – ответил Гуров.

Старинные товарищи подумали, прикинули и решили на машине к автобату не подъезжать. Лучше было оставить ее где-нибудь возле дороги, самим прогуляться пешком, сперва просто присмотреться, а уж потом включать фонари и искать основательно.

Лев Иванович проехал еще пару километров, свернул с дороги к ближайшим кустам и заглушил двигатель. Сыщики вооружились фонарями и пошли вперед, где в лунном свете обозначились казарменные строения заброшенной воинской части.

Идти господам полковникам пришлось долго. В сумерках расстояние казалось меньше, чем оно было на самом деле. Только минут через двадцать они добрались до первых построек. Там друзья решили не разделяться, пройти весь периметр вдвоем, не спеша, определились с направлением и двинули.

Первым строением оказался гаражный бокс, рассчитанный на добрый десяток автомобилей. Кладки время почти не коснулось, а вот ворота все были сняты, дверные проемы зияли

пустотой. Сыщики обошли здание со всех сторон, заглянули внутрь, никаких признаков присутствия людей не обнаружили и двинулись дальше.

Следующим на их пути оказалось трехэтажное строение с огромным пустым холлом. Стены здесь частично разрушились. Верхние этажи держались на металлических балках и кирпичных колоннах, кое-где скрепленных бетонными монолитными плитами. Здесь признаков жизни тоже не наблюдалось. Лестницы, ведущие на второй этаж, полностью отсутствовали.

К очередному зданию высотой в два этажа господа полковники подбирались осторожно. Лестницы в нем оказались целыми. Напарники воспользовались этим обстоятельством, чтобы осмотреть окрестности. Они поднялись на второй этаж и начали переходить из комнаты в комнату, обозревая панораму, открывающуюся из окон.

Чтобы ускорить процесс, товарищи решили разделиться. Гуров пошел по левой стороне, Крячко – по правой. Передвигались они молча, не переговариваясь. Звук шагов и так гулким эхом оповещал каждого из них о передвижении напарника.

Лев Иванович осмотрел примерно половину комнат, когда какое-то движение в оконном проеме привлекло его внимание. Он вошел в комнату, осторожно приблизился к окну, выглянул наружу, взгляделся в ландшафт, подсвеченный луной, и не заметил никаких признаков жизни. Гуров уже развернулся, собрался следовать дальше, когда увидел то, что привлекло внимание в первый раз. Пятно света фонаря двигалось от пятиэтажного строения в сторону леса.

– Стас, иди сюда, – вполголоса позвал он.

– Что там? – Друг появился в дверном проеме.

– Смотри ближе к лесу, – сказал Лев Иванович и осведомился: – Что видишь?

Стас некоторое время вглядывался вдаль, потом произнес:

– Похоже, идет кто-то, фонарем подсвечивает и явно таится. Видишь, как ложится свет? Этот тип его чем-то прикрывает.

– Вижу. Человек двигается от пятиэтажки, которая прямо напротив нас стоит, – сказал Гуров.

– Похоже, мы нашли то, что искали, – произнес Крячко.

– Не факт. Тут много кто может прижиться. Населенные пункты понатыканы как грибы, для бомжа всегда найдется чем поживиться. И топливо под рукой, жги костры хоть круглый год.

– Пойдем, проверим?

– Пойдем, – согласился Лев Иванович.

Сыщики спустились по лестнице, вышли из здания и обходным путем двинулись к пятиэтажному строению. Они старались держаться ближе к деревьям, чтобы остаться незамеченными. Свет фонаря, сжатого в руке человека, двигавшегося к лесополосе, скрыла стена соседнего здания. Чтобы пересечь пространство между этой лесополосой и зданием, господам полковникам нужно было выйти на открытую площадку.

– Рискнем? – шепотом спросил Гуров. – Перебежками, пока он далеко.

– Не стоит, лучше подождать, – возразил Крячко. – Неизвестно, сколько их там.

– Ладно, давай выждем, – согласился Лев Иванович. – Понаблюдаем для начала.

Они отошли в тень деревьев и стали ждать.

За два часа до того, как Гуров и Крячко обосновались под деревьями лесополосы на территории заброшенной воинской части, события в казарменной пятиэтажке развивались по сценарию, уже ставшему стандартным.

Дверь в комнату, минуту назад освещенную лунным светом и наполненную зыбким покоем, начала открываться. Растущая полоса искусственного света на противоположной от двери стене означала для ее узника лишь одно. Ему опять предстоит истязания, мучительный и

долгий допрос, который ни к чему не приведет, лишь добавит боли и сократит шанс на выживание.

В дверном проеме показался мужчина. Он с минуту стоял молча, потом с силой толкнул створку. Она ударилась о стену и отскочила назад.

Молодой человек, лежавший на матрасе, вздрогнул и начал отползать в угол.

– Привет, смертник! Время пришло, – зычным голосом проговорил мужчина. – Поднимайся, пора поразмяться.

– Я ничего не знаю. – Голос пленника предательски дрогнул.

Он не хотел показывать мучителям свой страх, но превозмочь его не мог.

– Если бы знал, то давно все сказал бы. Вы же и сами это понимаете.

– Понимаю? Да плевать мне на то, знаешь ты или нет. – Мужчина разразился грубым смехом. – Может, мне просто нравится с тобой упражняться.

– Давайте как-то договоримся. – Ожидание предстоящей боли придавало пленнику смелости. – Ведь должен же быть другой выход из этой ситуации.

– Интересно, какой именно?

– Я готов выкупить свою свободу. – Пленнику показалось, что его мучитель заинтересовался этим предложением, и он удвоил усилия: – Могу продать квартиру, машину. Сколько нужно денег, чтобы вы забыли об этом недоразумении?

– Продать квартиру? Да ты хоть понимаешь, на какую сумму ты нас подставил? Твоя квартира и десятой доли долга не стоит. Так что закрой хлебало и ползи сюда. Повторять не стану. Ты и сам знаешь, что надо делать.

Да, пленник слишком хорошо знал, что будет сейчас, через час и потом. Он заставил себя встать, на ватных ногах проследовал до двери. Двигаться было неудобно, так как лодыжки его были соединены между собой прочными капроновыми стяжкам. Петли палачи в последний раз расширили, соединили стяжки по две, но это не сильно улучшило положение пленника. У самого порога он оступился и чуть не упал к ногам мучителя. Тот снова заржал, ухватил беднягу за ворот и грубо поволок в большую комнату.

Там в потолок был ввинчен массивный крюк. Сами ли мучители его туда вогнали или он был здесь раньше, пленник не знал, да и особого значения это не имело. Важнее было то, что висел этот крюк на высоте более двух метров и был на удивление крепким, вес в девяносто килограммов выдерживал запросто.

Мучители приладили к нему массивную железную цепь. Они обматывали ею пленника и подвешивали на крючок. Иногда за руки, иногда за ноги, а однажды за шею. Тогда он думал, что ему пришел реальный конец. Толстая цепь впилась в кожу так крепко, что кадык захрустел.

Мучители поспешно стащили его с крюка, а цепь с шеи никак не хотела сниматься. Чем сильнее они тянули ее, тем крепче она впивалась в шею. Эти негодяи испугались, начали орать друг на друга. У них чуть до мордобоя не дошло.

Он медленно умирал, и в то же время получал несказанное наслаждение от ссоры мучителей. В тот момент пленник мечтал сдохнуть назло этим ублюдкам! Вот был бы номер!

Но он не сдох. Цепь каким-то образом снялась, ублюдки помирились, а его на сутки отправили в темную комнату и даже позволили поесть. На сей раз это была настоящая еда, а не то мерзкое варево, которым они пичкали его обычно.

Мучители даже дали ему полный стакан водки. Такого наслаждения от алкоголя он никогда раньше не испытывал и был уверен в том, что не ощутит больше никогда. Горячая волна захлестнула его мгновенно, охватила тело целиком, от кончиков пальцев ног до самой макушки. Черт, да у него даже волосы ощутили этот жар.

А потом его накрыла плотная, густая пелена сна. Он вырубился спустя минуту и проспал так долго, что затекли все конечности.

Это было вчера. А может, раньше. Узник уже вообще потерял ориентацию во времени. Сколько дней он здесь? Два? Три? Неделю? Не исключено, что и дольше. Жизнь для него разделилась на «до» и «после».

Хотя нет, никакого «после» уже не будет. Это он четко осознавал. «До» и «сейчас», так вернее.

Сейчас – это пытки, истязания и вопросы, вопросы, вопросы, на которые у него нет ответов. Почему они упорствуют? Неужели считают, что он стойкий, готовый добровольно терпеть страдания? Пленник уже готов был наврать с три короба, лишь бы получить отсрочку, заработать хоть какую-то передышку.

Но нет, врать он не мог, потому что за этим следовали еще более изощренные пытки. Откуда узник это знал? Конечно же, из личного опыта. В самом начале своих мук он уже испытал этот способ, но успел только начать сочинять правдоподобную историю. Пара точных ударов в печень вразумила его раз и навсегда. Вранье здесь не приветствовалось, а правда не принималась. Вот такой парадокс.

– Эй, увалень, о чем задумался? – Грубый пинок в зад свалил пленника с ног. – Шевелись давай.

Он с трудом поднялся. Удар пришелся на копчик, тазобедренные кости отозвались острой болью. Сколько раз за эти дни случалось такое? Бедняга полагал, что от этой слабой косточки осталась одна труха. Удивительно, что он еще мог ходить. Впрочем, на его теле не осталось ни одного места, до которого не добрались мучители. Один сплошной кровоподтек.

– Иди сюда, поганец! – К первому мучителю присоединился второй. – Руки давай поживее. Терпение у меня не беспредельное.

Об этом он знал по себе. Второй мучитель был гораздо хуже первого. Ростом ниже пленника на полторы головы, худощавый, с вздувшимися прыщами по всему лицу, он был настолько злобным, что вызывал ужас одним своим присутствием.

Как же узник его ненавидел! Если бы он получил хоть один шанс, то выгрыз бы горло этому ублюдку прямо зубами и кадык выплевывать не стал бы, проглотил бы для большей уверенности. Если бы у него было больше времени, то он разгрыз бы этого скота на мелкие кусочки. Всего целиком. Вместе с омерзительными прыщами.

– Снова ты так смотришь! – Прыщавый гад обхватил лицо пленника своими костлявыми пальцами и с силой сдвинул. – Раздавлю гадину!

– Эй, полегче! – Здоровяк сбил его руку. – Тебе же было сказано, что еще не время.

– Знаю без тебя, – огрызнулся недомерок. – Когда оно уже наступит, это время?

– Ему лучше знать, – неопределенно ответил здоровяк.

Пленник понял, что речь идет о их боссе. Здесь тот появлялся всего раз, да и то часа на два, не больше.

«Как раз в тот день, когда... Нет, думать об этом сейчас никак нельзя! Забудь, выкинь из головы. Теперь уже ничего не изменишь, а тебе нужно копить силы, чтобы выжить, отомстить за все издевательства, отомстить за...» – Довести мысленную речь до конца он не успел.

Резкий рывок поднял его на полметра от пола. Суставы в плечах, травмированные не один раз, тут же вылетели, и он повис как плеть, зажатый неестественно искривленными конечностями. Из груди вырвался крик боли. В глазах помутнело, к горлу подступила тошнота.

«Только не блевать, – находясь на грани обморока, уговаривал пленник сам себя. – Ты знаешь, чем это кончится. Соберись, думай о приятном, о вечном, о маме».

Первый удар пришелся по почкам. Он вызвал новый взрыв боли, но на этот раз узник был начеку. Он стиснул зубы, сдерживая крик. Еще пара ударов, и боль притупится.

Странно, но это всегда так было. Первые удары казались бедолаге невыносимыми, дальше же тело адаптировалось к боли, или в мозгу включалась защитная реакция, но мучения ощущались как-то иначе.

– Давай, гаденыш, выкладывай, куда дели товар, – задал прыщавый недоросток первый из шести вопросов, которые всегда шли по одному и тому же кругу.

– Его украли. – Ответы пленника тоже были одинаковыми, но его мучителей это совсем не смущало.

– Кто украли? – Последовал новый удар, на этот раз по пяткам.

– Черт! Не знаю. – Пятки загло огнем, боль прошла до поясницы и вернулась обратно.

– Где украли? – Удар по печени и следом снова по пяткам.

Сдерживать боль узнику становилось все сложнее, но он знал, что терпеть осталось недолго. Нужно выдержать. Не доставлять своими стонами удовольствия мучителям. – В Ряни.

– Что ты сказал? В какой Ряни? – Целая серия ударов по ребрам.

– В Рязани. – Пленник сумел превозмочь боль и выговорить нужное слово.

– Когда украли?

– В первый день, когда мы получили товар. – Сегодня боль что-то слишком разбушевалась. Быть может, это и есть конец?

– Куда спрятали? – Битой по коленным чашечкам, по пяткам и снова по ребрам, да так, что они затрещали.

– Мы не прятали. – Слово «прятали» прозвучало невнятно.

Пленник напрягся, ожидая нового удара в наказание за нечеткую речь.

– Зачем ты врешь? – После этого вопроса мучители начинали работать на пару.

Пять минут кряду они лупили его куда попало, лишь бы нанести больше ударов. Затем последовала короткая передышка, и все сначала, по тому же кругу.

Но сегодня его организм явно не был настроен терпеть боль долго. После первой серии вопросов он вырубился, едва только бита прикоснулась к плечам. Блаженная отключка не позволяла ему ощущать боль, блокировала мозг и давала внеплановую передышку.

Ублюдки какое-то время выжидали. Они опасались, что слишком частые обмороки повредят мозг пленника раньше времени. Затем в ход шла гидротерапия. Два, а то и три ведра ледяной воды обычно приводили пленника в чувство.

Ходить за ней палачам приходилось куда-то далеко. Откуда об этом знал пленник? Пару раз сознание возвращалось к нему быстрее, чем обычно. Он старался не выдать себя и слушал разговоры своих мучителей.

Так узник узнал, что держат они его на какой-то заброшенной базе, которая раньше принадлежала военным. На территории нет ни света, ни воды, и ходить за ней приходится на родник, а это добрых двести метров. Он проведал, что их главарь – слишком важная персона, чтобы пачкаться о такое дерьмо. Пленник понял, что его мучители – сводные братья. Мелкому уж очень по душе пытать людей. Старшему такое пристрастие не нравилось, но относился он к нему более чем снисходительно.

Еще он узнал, что у бандитов серьезные неприятности. Они сами сейчас находятся на нелегальном положении, то ли перекрываются от своих поставщиков, то ли вообще решили выйти из криминального бизнеса. Так или иначе, однако проблемы их напрямую связаны с событиями, приведшими к его пленению.

Боже, он бы руку отдал за то, чтобы повернуть время вспять. Да что руку, обе ноги. Да и глаза, лишь бы никогда не видеть того объявления.

Ледяной поток обрушился на его голову. Вода потекла по телу, расплылась розовой лужей на бетонном полу. Он приоткрыл один глаз, второй затек и отказывался это делать.

«Да, быстро я сегодня отключился, – подумал узник. – Наверное, психика не выдерживает. Интересно, сколько раз я должен повторить свои ответы, чтобы до них дошло, что других у меня просто нет?»

– Так куда вы дели товар? – прозвучал старый вопрос вместе с новым ударом.

«Все, с меня хватит. Не стану больше отвечать. Пусть лучше убьют, – с отчаянием подумал пленник. – Не буду говорить».

Он в очередной раз стиснул зубы и приготовился терпеть боль.

– Что такое? Забыл ответ? – Этот голос принадлежал здоровяку. – Да что с тобой? Хочешь испортить нам игру? А ну, отвечай живо!

– Да пусть молчит, – вклинился меньшей братишка. – Нам же проще. Можно не прерываться на вопросы.

Не успел здоровяк ответить, как этот прыщ схватился за обломок металлической трубы и принялся колотить пленника по ногам.

– Ты сдурел? – Здоровяк вырвал трубу из рук брата. – Еще один труп захотел?

– Плевать! Одним больше, одним меньше, – огрызнулся недомерок. – Все равно он ничего не скажет. А знаешь, почему так будет?

– Знаю, но молчу. И ты особо не болтай, – резко оборвал его здоровяк. – Не хочешь оказаться на дне Москвы-реки, так держи язык за зубами. Все, хватит пока. Пойдем, воды наберем.

– Там еще два ведра, – сказал маленький братец, не желая прерывать развлечение. – Используем всю, тогда и закончим.

– Я сказал – хватит! – В голосе старшего зазвучала угроза. – Собирайся, мы идем за водой.

Они действительно ушли. Пленник не сразу осознал, что получил передышку. Мозг его будто туманом заволокло, а в душе образовалась пустота. Ни боли, ни гнева, ни страха.

Но вот через туман начала проявляться картина. Он в неестественной позе привязан к какой-то металлической конструкции, во рту кляп, волосы слиплись от крови.

«Откуда кровь? Почему кляп? Где я вообще нахожусь и что со мной происходит?»

Картина становилась четче, в голове еще шумело, но память возвращалась к нему.

Автостоянка у ресторана. Он в двух шагах от машины, поднял руку, чтобы махнуть, остановить ее. Тут позади послышался шорох. Теперешний пленник начал поворачиваться, чтобы посмотреть, кто там. От этого удар пришелся не на затылок, а на лоб, вскользь задел висок. По лицу его полилась кровь, в глазах потемнело. Он покачнулся и потерял сознание.

Через какое-то время страдалец очнулся и увидел голые обшарпанные стены, массивный крюк в потолке и металлическую цепь на нем. Для кого цепь? Разве люди держат в своих домах опасных животных? Таких, которым требуется такая привязь?

Боже, к чему эти мысли? Он связан, рот его заткнут тряпкой, на лбу наверняка открытая рана сантиметров в пять длиной. Какое ему дело до цепи?

Но дело, как оказалось, было.

«Цепь – это атрибут устрашения. Кого тут пугать-то? Да тебя, дурень набитый! Вляпался ты, дружок, вот что происходит. Причем конкретно. Журить и совестить тебя здесь не станут. Да и прощать, судя по реквизиту и декорациям, тоже.

А может, это и правда декорации? Вдруг кто-то из друзей решил так вот тонко надо мной подшутить? Сейчас ведь народ любит разного рода экстрим приятелям в подарок преподнести. Почему не предположить, что кто-то решил таким образом разнообразить мою скучную жизнь?

Да кто станет так тратиться? Ведь подобные подарки стоят недешево, а у меня из всех материально независимых людей, которых я знаю, – одна мать. Но она вряд ли стала бы выбрасывать деньги на сомнительные развлечения.

Стоп! Ты снова не о том думаешь! Прикинь лучше, как из этой передраги выбираться будешь. Так, что тебе известно? Ты привязан к железным швеллерам или к чему-то такому же основательному. От пут избавиться реально? – Он попытался пошевелиться, подергал руками, подвигал ногами, но путы не поддались ни на миллиметр, а ноги вообще не сдвинулись с

места. – Если кисти мои еще шевелятся, то ступни вросли в пол намертво. Избавиться от пут мне не удалось.

Тогда кляп. Нужно постараться выплюнуть тряпку изо рта. Тогда можно будет позвать на помощь.

А хорошая ли это идея? Ведь на крик вместо подмоги может примчаться тот, кто все это устроил.

Нет, кричать я до поры не буду, а вот от тряпки все равно избавиться нужно. Мне уже становится трудно дышать. Когда же она намокнет от слюны, станет совсем паршиво».

Пленник втянул щеки, поднял язык к небу и начал проталкивать его вперед. Это действие вызывало тошноту, он испугался вызвать рвоту и прекратил попытки. Не хватало еще захлебнуться собственными рвотными массами, так и не узнав, чем заслужил подобное обращение.

«Брось! Кого ты пытаешься обмануть? – Скверная память предательски подсунула ему готовый ответ. – Ты здесь не потому, что твои друзья о тебе помнят. Причина в том, что тебя не забыли твои враги».

Да, теперь он окончательно все понял. Его привезли сюда не на пикник, а потому, что он сильно проштрафился. Забрал чужое, а отдавать отказался.

«Все не так! – возопил мозг. – Не я забрал, не я отдаю!»

Но услышать это было некому. Комната пуста, он один, и это ужасно.

Не успела данная мысль сформироваться, как все резко изменилось. То, что минуту назад казалось ему ужасом, вмиг стало выглядеть чуть ли не благом.

В комнату ввалились несколько парней. За собой они волокли какой-то сверток. Это была грубая мешковина, прихваченная скотчем в трех местах.

Он пригляделся и застонал. Любой человек, который хоть раз смотрел фильмы про мафию, легко распознает назначение этого свертка.

Это было тело человека, замотанного в мешковину. Она еще не была снята с тела, а он уже знал, кого увидит под ней.

Эти субъекты не торопились распаковывать сверток. Они прошли по комнате, потрясли цепь, подергали крюк, а потом встали перед ним и принялись его рассматривать.

Говорить и даже пошевелиться он не мог. Поэтому ему оставалось только сидеть и ждать, что будет дальше.

А дальше все произошло как-то быстро. Один из этих людей снял с его шеи веревку, удерживающую голову прижатой к стене. Второй перерезал скотч, которым фиксировался кляп.

Потом первый выдернул тряпку и задал вопрос, который потом прозвучал еще сотню раз: – Скажи-ка мне, дружок, где наш товар?

Несмотря на то что он еще раньше понял, в чем заключался корень проблемы, вопрос застал его в тупик. Откуда они узнали? Как вычислили его? Ведь ни он их, ни они его в глаза не видели. И панику разводить вроде как рано. Срок выполнения заказа истекает только через три дня. Так почему он здесь?

– Горло перехватило? – Эти слова прозвучали даже как-то сочувственно. – Быть может, тебе водички дать, горлышко смочить?

– Кто вы? – Молчать дальше казалось ему глупым, но умнее он ничего не смог придумать.

– Так. Решил в идиота поиграть? Почему нет? Желание клиента для нас закон.

Один из этих типов, тот, кого впоследствии он стал называть здоровяком, с сожалением потер кулак и врезал ему точно в печень. Так началось их очное знакомство. Два часа, а то и больше он честно и как можно более подробно отвечал на вопросы, старался, чтобы его слова звучали максимально искренне, жил надеждой на то, что недоразумение скоро разрешится и все закончится благополучно. Относительно, разумеется.

Итогом двухчасового допроса явилась фраза:

– Переходим к плану Б.

Здоровяк подтащил к крюку сверток, сорвал скотч и развернул мешковину.

Только тогда до пленника дошла вся тщетность былых надежд. Он понял, что падение в бездну отчаяния будет долгим и мучительным.

Так и вышло. Бандиты извлекли его друга, еще вполне живого, из мешковины, и подвесили на крюк. После этого они начали осуществлять план Б.

Ужас длился сутки. Без перерывов, без отдыха даже для мучителей. Когда его друг терял сознание, они обливали его ледяной водой или жгли кожу углями и продолжали истязать. Снова и снова, до тех пор, пока он не начал кричать.

Нет, не друг, у того на крик сил не осталось. Он сам начал кричать. Не от физической боли, не от страха, а от отчаяния. Сердце его готово было лопнуть.

Мучители бросили друга и принялись за него. Они хотели, чтобы он замолчал. Он тоже этого хотел, но не мог. Ни побои, ни ледяной душ, ни другие болезненные способы не могли остановить этот крик. Это была настоящая истерика, нервный срыв, близкий к помешательству. Он не выкрикивал слова, не молил о пощаде, издавал утробные звуки, наводящие ужас даже на мучителей.

Конец этому безумию положил главарь. Когда он появился в комнате, осталось загадкой для всех.

Этот человек просто оказался вдруг возле здоровяка и произнес совсем тихо, едва раскрывая рот:

– Вон!

Но бандиты слышали это даже через крики. Они метнулись к двери и скрылись в соседнем помещении. А главарь остался.

Это был высокий мужчина представительной внешности, в стильном костюме-тройке, с прилизанной шевелюрой. Его узкие губы сжимались в тонкую нитку, глаза смотрели равнодушно.

Он достал из внутреннего кармана короткий шприц, снял защитный колпачок, подошел к нему вплотную и спокойно, флегматично проговорил:

– Это успокоительное. Я введу его тебе в руку, и ты перестанешь кричать.

Он почувствовал легкий укол, и спустя пару минут крик действительно прекратился. Из глаз потекли слезы, но кричать узник перестал. В комнате наступила неестественная тишина. Даже дыхания не было слышно.

Он видел, что цепь на крюке слегка раскачивается под весом тела его друга, но металлического скрипа не слышал. Раньше этот звук врывался в уши, усиленный нервным напряжением. Теперь же он вроде бы совсем пропал.

Потом в комнату вернулись здоровяк и прыщавый недомерок. Главарь что-то говорил им, они что-то ему отвечали, но звуки их голосов не доходили до его ушей.

Пленник видел, как главарь осматривал тело, висящее на цепи, снова что-то произносит, обращаясь к здоровяку. Потом тот снимал друга с крюка. Мелкий негодяй суетился, что-то доказывал главарю, подчеркивая значимость слов активной жестикуляцией. Но в его мире все это происходило беззвучно, и он этому был несказанно рад.

Потом бандиты унесли тело друга. Дверь за собой они прикрыли. Он остался в комнате один и отключился.

Теперь узник снова находился в той же комнате, опять один в полной тишине.

«Что со мной будет дальше? Сколько раз мне придется оставаться в комнате один на один со своими воспоминаниями, прежде чем психика не выдержит? Как долго продлится передышка и смогу ли я продержаться еще хотя бы день?»

Вопросы роились в голове пленника, но ответов на них у него по-прежнему не было.

Глава 7

Прошло минуты три с тех пор, как сыщики обосновались в лесополосе напротив главного корпуса. Стас привалился к стволу березы и неотрывно смотрел вперед. Гуров вслушивался в тишину, старался не пропустить ни звука.

В какой-то момент ему показалось, что он что-то разобрал.

Лев Иванович подался вперед и спросил:

– Стас, ты это слышишь? – спросил он напарника.

– Что именно?

– Как будто кто-то стонет, – ответил Гуров. – Не пойму, откуда звук идет.

Крячко сменил позу, вслушался в тишину. Вдалеке действительно послышался слабый стон.

Он повернулся к другу и прошептал:

– Точно, кто-то стонет. Держу пари, это из казармы. Что делать будем?

– Надо идти, – произнес Гуров. – Чует мое сердце, простой прогулкой этот вечер не закончится.

– Ладно, ты справа, я слева, – сказал Крячко и первым двинулся к зданию.

Открытое пространство они преодолели почти бегом, добрались до здания, прижались к стене. Гуров дал отмашку, и друзья двинулись вдоль нее. Лев Иванович шел медленно, доходил до окна, осторожно заглядывал в него и двигался дальше. Пока все комнаты оказывались пустыми.

Завернув за угол, он увидел тусклый свет. Тонкая полоска лежала на промерзшей земле, чуть присыпанной снегом.

Гуров продвинулся еще на пару шагов, добрался до окна, расположенного первым на торцевой стене, заглянул в него. В комнате никого не было, но в дверном проеме отражался все тот же тусклый свет. Шел он из соседней комнаты, хотя второе окно оставалось темным, падал откуда-то сверху, видимо, пробивался через трещину у плиты перекрытия.

Лев Иванович подобрался ко второму окну. Оно оказалось забито фанерным щитом, причем следы от гвоздей оказались свежими.

«Ясно. Мне сюда и надо, – подумал он. – Идти придется через соседнее окно».

Прежде чем лезть в здание, Гуров дошел до окна, последнего в ряду, заглянул туда, увидел все те же пустоту и темень и вернулся обратно. Участок шел под уклон, поэтому здесь оконный проем располагался намного ниже.

Стараясь действовать бесшумно, Лев Иванович подтянулся на руках, перевесился через подоконник, подтянул туловище. Через минуту он стоял в комнате.

Сразу к дверному проему Гуров не пошел, неслышно переместился к смежной стене, потихоньку начал передвигаться ближе к проему. Возле него он остановился и прислушался. Стон повторился, теперь уже он различался явственно. Других звуков слышно не было.

Полковник заглянул в комнату. Картина, представшая перед его взором, заставила содрогнуться сыскаря, выдавшего виды.

В центре комнаты на металлическом крюке висело тело мужчины. Вместо лица сплошное месиво, руки и ноги исколоты и изрезаны, на полу лужа воды вперемешку с кровью.

Гуров секунду оставался недвижим, затем сорвался с места и бросился к этому человеку.

«Черт возьми, он же едва дышит, – промелькнуло у него в голове. – Как его оттуда снять?»

Лев Иванович остановился, осмотрелся.

«Успокойся, не суетись, – сказал он себе. – Спешка только навредит. Железная цепь, пропущенная под обеими руками, обвивает шею и уходит вниз. Как они его туда подняли? Думай, Гуров, соображай».

Он посмотрел на цепь. Конец ее был наброшен на металлический швеллер, торчащий из стены.

«Ясно, поднимали за цепь. Нужно ослабить ее, и он окажется на полу, – подумал Гуров. – Только бы концы не перепутать. Иначе у него шея враз переломится».

Он подбежал к швеллеру, снял цепь, осторожно потянул за один конец. Цепь начала натягиваться туго. Сыщик тут же отпустил этот конец и начал тянуть за второй. Поддавалась цепь туго, видно, за что-то зацепилась, но он не останавливался.

«Еще чуть-чуть, давай, родная, – уговаривал он ее как человека. – Помогай, милая, жизнь этого парня от тебя зависит».

За все это время человек, висевший на крюке, кроме стонов не издал ни звука. Он не заметил появления Гурова, не видел, как тот боролся с цепью, был в отключке.

Лев Иванович понимал, что времени у него в обрез. Крячко находился неизвестно где. Один черт знает, когда вернется сюда тот тип, который ушел в лес.

И все же торопиться он не мог. Одно неверное движение, и цепь затянет шею, переломит кадык. Тогда все его труды окажутся напрасными.

О том, кого он спасает, Гуров не думал. Не важно! Надо выручить. Это человек, он должен жить, имеет на это право. Полковник обязан сделать все, чтобы помочь ему.

Цепь застопорилась и никак не хотела скользить вниз. Лев Иванович тянул ее из стороны в сторону, дергал вниз, а она стояла на месте как приваренная.

«Да чтоб тебя! Пойдешь ты наконец?» – Гуров изрядно разошелся и резко дернул цепь.

Она поддалась, понеслась вниз, увлекая за собой тело.

Лев Иванович отбросил ее в сторону и бросился вперед. Он едва успел подхватить бездыханное тело и оттащить в сторону, чтобы его не накрыло каскадом металлических звеньев. Сыщик начал освобождать человека от пут, услышал какой-то посторонний шум за спиной и оглянулся.

В дверях стоял человек, широкие плечи которого занимали почти весь проем. В руках у него красовалась массивная железная труба.

– Привет! – почти добродушно произнес он.

Гуров начал выпрямляться. Рука его потянулась к бедру, где висела кобура с пистолетом.

– Эй, без глупостей! Руки поднял! – Тон этого типа мгновенно изменился. – Не делай резких движений!

– С какой стати? – Голос Гурова звучал совершенно обыденно.

В нем не было ни волнения, ни тем более страха.

– С такой, что твоя жизнь в моих руках, – заявил этот субъект и глумливо ухмыльнулся.

– Труба против пистолета?

– Двое против одного, – произнес здоровяк и свистнул.

Из дверного проема, за которым располагалась соседняя комната, показался шуплый мужик с прыщами по всему лицу.

Сыщик вздохнул, убрал руку от кобуры и проговорил:

– Не думаю, что это вам поможет.

– Да чего ты с ним трындишь? Валить его надо, да и все дела, – подал голос прыщавый недомерок. – Какой-то козел влез к нам в хату, а ты с ним лясы точишь!

– Слышал? Ты влез на нашу территорию, – заявил первый дядька. – По мнению моего кореша, тебя нужно грохнуть. Как тебе такая идея?

– Мысль интересная, но нерациональная, – сказал Гуров и сделал вид, что серьезно обдумывает этот вопрос.

Он тянул время, так как знал, что скоро здесь появится Стас, и тогда положение изменится в их пользу.

– Убить мента само по себе неразумно, а полковника из главка и подавно. Вам угодно натравить на себя всю полицию Москвы и области? Ну, разве что хочется почувствовать себя смертниками, тогда да, ради бога.

– Чего он сказал? – засуетился мелкий гад. – Ты что, в натуре мент?

– Нет, я лесник, природу охраняю, – съязвил Гуров.

– Заткнитесь оба! – Тон здоровяка резко изменился, лицо его исказила гримаса злобы.

– Простите, но я не договорил, – как ни в чем не бывало продолжил Лев Иванович. – Итак, про мента я сказал. Теперь о главном. Неужели вы думаете, что я приехал сюда один? Наивные вы, парни. Сами и то парой ходите, а меня за полного лоха приняли, да?

– Треп! – коротко бросил здоровяк. – Ты здесь один, лох самый натуральный.

Едва он договорил, как со стороны окна послышался громкий свист, и зычный голос Стаса Крячко огласил окрестности:

– Валера, с фланга заходи! Группа захвата, на выход!

Далее события начали развиваться со скоростью света, но для Гурова все происходило как в замедленной съемке. Недоросток отшатнулся, отбросил в сторону бейсбольную биту, которую держал в руках, пока шла беседа, и исчез в боковом проеме. Здоровяк оттолкнулся от стены и нырнул под ее защиту.

Лев Иванович услышал лязг металла, а через секунду увидел, как в дверной проем падает стеллаж огромных размеров. Он закрыл проем почти полностью. С пола поднялась пыль.

Гуров чертыхнулся. Тратить время на освобождение прохода, когда гулкий топот стихал, преступник удалялся в неизвестном направлении? Нет, на это времени не было. Сыщику пришлось последовать за прыщавым типом и искать выход через боковое помещение.

– Стас, здоровяк мой, – прокричал он на ходу, чтобы сориентировать Крячко.

Лев Иванович выскочил из здания всего на пару минут позже здоровяка, и все равно тот успел получить хорошую фору. Его фигура виднелась метрах в двадцати от лесополосы. Гуров потратил еще полминуты на то, чтобы определить, где находится Крячко. Он пробежал до угла и почти нос к носу столкнулся с напарником.

Стас остановился и спросил:

– Что у тебя?

– Первый бежит в сторону лесополосы, – скороговоркой произнес Гуров. – Где второй?

– Ушел вправо. Я за ним. Он в обход по кустам пошел, – выпалил Крячко, обогнул товарища и помчался дальше.

Лев Иванович взглядом нашел здоровяка и помчался ему наперерез. Расстояние сокращалось медленно, бежать мешал строительный мусор, которым была завалена вся территория заброшенной воинской части. Гуров то и дело спотыкался, но не останавливался.

Боковым зрением он следил за передвижением второго беглеца. Тот продирался сквозь кусты, выскакивал на открытое пространство, потом снова нырял в лесополосу, стремился соединиться с подельником.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.